

Хозяйка волшебной лозы

Автор:

[Елизавета Соболянская](#)

Хозяйка волшебной лозы

Елизавета Соболянская

Лилия Орланд

Хозяйка волшебной лозы #1

Предательство любимого мужа и лучшей подруги способно убить. А вот меня перенесло в другой мир – через ледяной канал к солнечному теплу и сладкому винограду. Я сумела выжить и даже стала хозяйкой волшебной лозы. Но как уберечь себя от чужих интриг, а свое сердце от надменного герцога, который снится по ночам?

Елизавета Соболянская, Лилия Орланд

Хозяйка волшебной лозы

Пролог

Сегодня я зверски устала.

Сначала два часа аккомпанировала нашему молодому дарованию – скрипачу Славику. У него в следующем месяце сольный концерт, поэтому он дико нервничал и придирался к каждой ноте.

После обеда давала частный урок близняшкам Ариадне и Марианне. На мой взгляд, девочки лишены слуха, таланта и чувства ритма. Но родители считают, что за деньги профессиональная пианистка, дипломант международных конкурсов, сумеет научить дочерей играть “Лунную сонату” перед состоятельными гостями.

Платят за эти уроки хорошо, и я смиряю гордыню.

А к шести вечера наш худрук затеяла повторить весь субботний концерт, чтобы не ударить в грязь лицом.

К восьми вечера выжатые как лимоны музыканты грустными глазами стаи побитых собак смотрели на Марлю (так мы ласково зовём нашего Марину Леонидовну) и молились, чтобы ей позвонил муж. Тогда есть шанс вернуться домой до вечерних новостей.

К счастью, небеса нас услышали.

Марлин супруг уже ждал у дверей филармонии, с тортиком и букетом цветов в руках. Спаситель! Он вспомнил о какой-то семейной дате, и цветущая улыбкой Леонидовна отпустила нас по домам.

Хотелось упасть и не вставать. Но нужно было ещё зайти в супермаркет и купить продукты для ужина. Игнат и так будет ворчать, что я прихожу слишком поздно и потом вожусь на кухне, тратя его драгоценное время на шум и суету.

Я уже мечтала о том, как нырну в метро и немного подремлю на жестком диванчике. Сейчас я была способна уснуть где угодно, но сбежать от судьбы не успела: на лестнице меня догнала Наташка Синцова.

– Кать, стой! – она легко сбежала по ступенькам, и взяла под руку.

Иногда я не понимала, почему Наташка со мной дружит. Мы абсолютно разные не только внешне, но и по характеру.

Моя подруга – настоящая красотка. Она яркая брюнетка с томными карими глазами. Всегда причесана, накрашена и ухожена. Выглядит безупречно в любое

время суток. Носит дорогие, исключительно брендовые вещи, которые сидят на ней как на модели. А ещё обожает обувь на высоченных шпильках, двигаясь на тонких спицах в ритме танго.

Я же неяркая блондинка, предпочитающая джинсы и кроссовки, а летом – длинные сарафаны и балетки. Каблуки для меня – наказание. Когда случается большой концерт, и приходится выходить на сцену в туфельках, я всегда надеваю платье подлиннее, чтобы никто не видел, что мой каблук всего два-три сантиметра.

Характером мы тоже отличаемся сильно. Я люблю быть дома. Для меня счастье посидеть с книгой под торшером. Заварить чай с травами, испечь ягодный пирог. Наталья предпочитает активный отдых – ночные клубы, загородные тусовки, рокерские фестивали. Она не теряет надежды “подцепить” миллионера, и я уверена, у нее все получится – с ее ярким характером она добьется всего, чего пожелает.

Вот и сейчас Наташка на своих каблучищах порхает бабочкой по обледеневшему тротуару, а я едва держусь на ногах, проклиная погоду.

– Нет, ты представляешь, – громко возмущается подруга, – Валентина заявила, что в этом году не уйдет! А я Марле сказала, что мне надоело быть второй скрипкой! Сколько можно?! Эта старая клюшка уже бемоль от бекара не отличает, а все рвется солировать!

Я попыталась свернуть направо, к метро, но Наташка потянула меня в другую сторону.

– Давай прогуляемся, – предложила подруга.

– Ты чего? Холодно же, да и устала я, – я попыталась отнекиваться, хотя уже знала, что пойду. Наташка всегда добивалась своего.

– Пойдем-пойдем! – Наталья не отпускала рукав моего пальто. – Надо мозги проветрить, а то ноты в башке застряли. Славик наш сегодня пилил так, что уши закладывало!

Я сдалась. Под монологи Синцовой можно и погулять. Ей моя компания нужна исключительно для вовремя сказанного “да ты что”, а мне действительно нравится дышать прохладным влажным воздухом и любоваться деревьями.

Мы зашли на территорию парка. Фонари горели через один. Снег почти сошёл, но на тротуарах оставался толстый слой наледи. Было темно и безлюдно.

Где-то в кустах раздались шорохи, а вскоре донеслась непонятная возня. Внутри острой иголкой кольнула тревога. Неужели сюда пробрались бродячие собаки? Этим зверюг я побаивалась. Почему-то возле метро они вырастали особенно крупными и наглými.

Я огляделась по сторонам, поежилась и потянула подругу в сторону выхода:

– Наташ, – пойдём отсюда, – что-то мне не нравится это место.

Я инстинктивно прибавила шаг, стремясь к свету уличных фонарей у канала.

– Подожди, мне нужно с тобой поговорить, – Наташка попыталась меня задержать, но пришлось семенить следом.

Я с детства не люблю темноты. И когда Игнат уходит на ночную смену, сплю с ночником.

До гранитной набережной почти бежала, но и здесь тревога не отпускала. Я заставила себя остановиться и успокоиться. Это всё переутомление.

– Ну ты и скороход! – Наташка наконец догнала меня и остановилась рядом.

Я опустилась на парапет, который доставал мне до середины бедра, и тяжело вздохнула. И правда, веду себя как истеричка.

– Извини, Наташ, это всё переутомление, – сняла перчатку и потёрла уставшие глаза. Сохранять вертикальное положение становилось всё тяжелее. – Говори, что хотела. Мне домой надо, Игнат ждёт...

– Не ждёт... – странным голосом произнесла подруга.

Что? Я вздрогнула и обернулась. Тысячи мыслей промелькнули в голове за секунду:

– Что случилось? Что с Игнатом? – я подалась к Наташке и схватила её за меховой воротник пальто. Нет, я вовсе не собиралась её трясти, чтобы заставить говорить. Это вышло как-то инстинктивно.

– Ничего не случилось. Мы с Игнатом любим друг друга, и он уходит ко мне, – она выпятила подбородок и сжала губы, отводя взгляд.

– Как любит? А я? – я растерялась. Этот разговор был каким-то ненастоящим. Как будто мне снился кошмар, и не было возможности проснуться.

Мы так и продолжали стоять: я, держась за её воротник, а Наташка – за мои руки. Фонарь светил за спиной подруги, и я не могла разобрать выражение её лица.

– Ты спишь с моим мужем? Ты, моя подруга? – вдруг дошло до меня.

– Ну и сплю. И что? Данилова, ты себя-то в зеркало видела? – рассердилась Синцова. – Чучундра ненакрашенная! В угол поставь – за швабру примут! Тряпки невнятные, морда блёклая! Мужики, они глазами любят! А на тебя без слёз не взглянешь. Да отпусти ты!

Она дёрнула мои руки, отрывая от своего воротника, и оттолкнула. Я была слишком растеряна и не успела среагировать. Гранитный парапет толкнулся под ягодицы. Колени подогнулись. И я полетела вниз.

Последнее, что увидела – тёмное лицо бывшей подруги в круге ослепительно-желтого света уличного фонаря. А потом ледяные воды канала сомкнулись над моей головой.

Проснулась я от собственного крика. Открыла глаза, уставилась в белёный потолок. Меня все еще била крупная дрожь, стоило вспомнить ледяную свинцовую воду и испуганный взгляд Наташки.

У двери тихонько поскреблись:

– Кати? Дурной сон?

Я встала, закуталась в шаль и открыла простую деревянную дверь:

– Все хорошо, дядюшка Одэлис. Я вас разбудила?

Высокий сухопарый старик покачал головой:

– Старики спят мало, Кати. Ночь только началась, хочешь, проверим печи?

– С радостью! – закивала и вышла в коридор.

Дрожь утихла, но где-то в глубине тела я все еще мерзла. Когда течение утянуло меня под лед, решила, что уже все...

Но во мне вдруг пробудилась какая-то яростная сила. Нет, я не хотела мстить Наташке или Игнату. Они сами выбрали свой путь. Но я! Я желала жить! И я боролась, трепыхалась, рвалась к свету! А когда вырвалась – не могла поверить.

Как вместо серого канала очутилась в ледяном ручье, бегущем по дну оврага, я не знала. Руки, ноги, лицо – все замерзло так, что почти не чувствовала собственного тела. Лежала и смотрела в странное лиловое небо. Потом эта странность достучалась до сознания. Я перевернулась, встала на четвереньки и поползла. Туда, где светило солнце! Туда, где земля была теплее воды. Туда, где меня отыскал Одэлис Портэлл – старый хранитель королевского виноградника.

Он вышел за пределы шато, чтобы взглянуть, не угрожает ли его любимым лозам разлившийся в овраге ручей, а вернулся “с добычей”.

То есть со мной на руках.

Почти две недели я пролежала в постели, борясь с температурой, кашлем, насморком и слабостью. А больше всего переживая предательство самых близких людей. А потом дядюшка Одэлис, как он попросил себя называть, принес мне букетик первоцветов и сказал, что на виноградник пришла весна.

– Виноградник? – моя рука повисла в воздухе.

– Ну да. Я же королевский поставщик вина, – старик по-доброму усмехнулся в седые усы. – Сейчас у нас самая работа пойдет. Хохлы с лоз и роз снять, кусты окопать, подрезать... Я уже работникам приказал, завтра тебя на веранду вынесут, чтобы не скучала.

– Да что вы! Я и сама встану!

– Ну, сама так сама, – одобрительно покивал старик. Потом добавил: – Одежду твою странную я в сундук убрал. Не носят у нас такое. Эта комната моей жены была, погляди, что есть. Может, найдешь под себя. А потом, как дороги обсохнут, портного пригласим.

Я молча кивала. Снова вспоминая все, что узнала об этом месте в первые дни своего пребывания здесь.

Неясно как, но я угодила в другой мир. Звался он Гиллемейн. Так напугавшее меня лиловое небо бывало таким лишь на рассвете, перед дождем.

А так было привычно голубым с бледно-жёлтым солнцем, очень похожим на наше.

Впервые я вышла из комнаты в тот же день. Пока искала одежду в сундуках, поняла, что живут в этом доме хорошо. Красивые и явно дорогие ткани, вышивка, кружева – все это сочеталось с необычным для меня кроем и непонятными застежками. Разобраться помогли модные картинки, наклеенные изнутри на крышку. Одежда была необычной, напоминала старинные силуэты, взятые из разных эпох и народов. Как будто намешали разные стили. Где-то испанский, где-то французский...

Но в общем выглядело красиво и женственно.

Я надела синее платье с белой кружевной шалью сверху. Кое-как собрав волосы в пучок на затылке, выглянула в коридор. Каменный пол охлаждал босые ноги, обуви в сундуке не нашла. Меня пошатывало от слабости, но я упорно двигалась вперед. К солнечному свету.

Две дюжины шагов и вот я уже стою на веранде, любясь восхитительным видом. Высокий холм весь покрыт ровными рядами лоз, а у подножия раскинулся розарий. Цветов еще нет, растения, едва освобожденные от толстых пучков соломы, выглядят скромно, но прозрачное высокое небо, яркое солнце, трели птиц и нежный аромат свежего хлеба делают этот вид почти сказочным!

– Ты уже встала Кати? Вот молодец! Марта приготовила лепешки с кунжутом, она мне не простит, если ты не позавтракаешь!

Я только улыбнулась в ответ и заняла свое место за накрытым столом. Завтракать на веранде, вдыхая свежий, удивительно чистый воздух было блаженством.

Дядюшка Одэлис трепетно заботился обо мне. Подливал молока, просил попробовать приготовленную специально для меня фруктовую пасту. Я ела и радовалась тому, что жива. Наташка, Игнат, они остались где-то там, позади. За ледяной водой канала и жаром болезни. Я чувствовала себя обновленной и не собиралась больше тосковать о прошлом. Хватит тех слез, которые я лила в подушку до сегодняшнего дня!

Дядюшка Одэлис одобрительно улыбался, ровно до тех пор, пока не заметил мои босые ноги. Ох, как он закричал! Из дома тотчас выскочил парнишка, выслушал эмоциональную речь моего спасителя и через минуту вернулся с мягкими кожаными туфельками и тонкими теплыми чулками, похожими на гольфы. Пока мужчины смущенно отвернулись, я быстро все надела, а дядюшка проворчал, что молодежь пошла уж не та, и когда-то он бы отдал дюжину лет жизни, чтобы лично надеть туфельки на ноги прекрасной синьорине!

Парнишка покраснел и убежал, а мы остались сидеть и разговаривать.

Забавно, что здесь обращались друг к другу, используя слова «синьор» и «синьорина», на испанский манер. Сначала для меня это казалось странным, а

потом я привыкла и легко откликнулась на «синьорину Катарину». Мне даже нравилось, как это звучало.

Синьор Портэлл рассказал, что занимает должность королевского винодела. Его семья уже много лет живет на этой земле, выращивая виноград и розы.

– Розы? Вы еще и цветы королю поставляете? – удивилась я.

– Нет, – покачал головой старик. – Розы, пряные травы и еще кое-какие ягоды нужны для производства магического вина. Его готовят только здесь, и только владелец земли знает точные рецепты. Работников тут много. Лозы требуют крепких рабочих рук, а осенью и ног. Но лишь моя семья владеет секретом.

– Магическое вино? – такого я, признаться, не ожидала. – В этом мире есть магия?

Словно исполнилась моя детская мечта, и я оказалась в сказке.

– Магия есть, но очень тонкая, – усмехнулся в ответ синьор Портэлл. – Она пропитывает землю, воду, воздух и все живое. Умелый мастер своего дела вкладывает эту магию в произведения рук, музыку или картину. И тогда эти предметы обретают волшебный флер, радующий душу. А я вкладываю эту магию в вино.

Старик хмыкнул и показал мне на кувшинчик, украшенный сургучной печатью.

– Видишь, на печати корона? Моя семья уже триста лет поставляет вино к столу монарха. Всего семь сортов, но каждый носит приставку «королевский». Вот это называется «Королевский лекарь». Тебе стоит выпить хотя бы несколько глотков...

С этими словами синьор ловко сорвал печать с кувшинчика, выкрутил пробку и плеснул мне вина в чистый стеклянный бокал. Я поднесла кубок к лицу и принюхалась. Пахло... аптекой. Травяной аромат сам собой складывался в аромат лекарства. Второй нотой появилось солнце – жаркое и сладкое. А третьей – легкая пряная нота, словно к вину добавили немного гвоздики.

Дядюшка Одэлис смотрел на меня одобрительно. Когда я решилась сделать небольшой глоток и провела языком по нёбу, чтобы лучше разобрать вкус, он лихо прищёлкнул пальцами:

– Я в тебе не ошибся Кати! Ты можешь стать моей ученицей!

От неожиданности я отхлебнула слишком много и закашлялась, а когда утерла слезы, старик вдруг погрузился и начал мне объяснять.

– У моих родителей было только двое детей. Я и моя младшая сестра Прима. У нас с ней большая разница в возрасте, так что, когда я начал обучение, она едва появилась на свет. Потом я встретил свою Гризельду, женился и принял у отца дальний виноградник, чтобы доказать, что достоин продолжить семейное дело. Нам с женой хватало маленького домика вон там внизу, – я посмотрела туда, куда указывал старик, но увидела только бескрайние холмы, покрытые ровными рядами виноградных лоз. Взгляд у него стал задумчивым, словно дядюшка погрузился в воспоминания: – Дом был беленький и маленький, только одна комнатка да кухня. А ещё чубушник рос вокруг, какой там стоял аромат летом...

Он замолчал, и я его не торопила. Пусть наслаждался тёплыми воспоминаниями.

– Сестра подросла, – продолжил дядюшка Одэлис, – но виноградники ей не нравились. Поэтому в очередной приезд короля она умудрилась выйти замуж за какого-то мелкого дворянина из свиты и перебралась в столицу. Детей у нас с Гризельдой не случилось, но мы и не печалились. У нас было общее дело и наша любовь. Да только два года назад моя птичка меня покинула. Уснула и не проснулась.

Я сочувственно вздохнула – терять близких всегда нелегко.

Мы молча подняли бокалы и сделали по глотку в память о его усопшей жене. Старик ещё какое-то время глядел на виноградник, потом встряхнулся и продолжил свой рассказ:

– Прима узнала и немедля приехала вместе со своим сыном. Парень, конечно, родня, но ему все это неинтересно! – дядюшка Одэлис махнул рукой, указывая жестом на все, что окружало дом. – Его мать мечтала, что Роналдо получит должность королевского винодела и будет весело жить в столице, оставив

виноградники на управляющего. Да только таким способом магическое вино не приготовить. Настоящий мастер должен чувствовать магию, любить эту землю и... вино!

Тут старик лукаво мне подмигнул.

Глава 2

Да, я любила вино. Оно всегда казалось мне квинтэссенцией земли, воды, солнца и растений. А тут к этому относились серьезно. В общем, дядюшка Одэлис сказал мне, что давно искал себе ученика, и вот боги послали ему меня.

Я тихонько хихикнула, но спорить не стала. Заняться интересным делом, обрести новый дом – это прекрасно. Прошлые я уже оплакала. Теперь начну новую жизнь!

Сделав несколько глотков «Королевского лекаря», я поежилась.

Не знаю, как здесь назывались месяцы, но пахло апрелем. Наверное, была середина весны.

Солнце пригревало, но ветерок был ещё прохладным. Королевский винодел сразу заметил, что я озябла в тонком платье, и снова крикнул в сторону дома. Через минуту я с благодарностью закуталась в шерстяной плед. Его принесла та степенная седовласая женщина в полосатой юбке и белоснежном переднике. На ее поясе позвякивали ключи, и дядюшка Одэлис представил мне эту даму как экономку синьору Барнс. Я еще раз улыбнулась и очень удивилась, когда мне улыбнулись в ответ.

– Маленькая синьорина принесла радость этому дому! – сказала синьора Барнс и удалилась.

Мы с дядюшкой Одэлисом еще немного посидели на веранде, обсуждая срочные работы на винограднике, а потом он отпустил меня отдыхать.

Я вернулась в комнату, легла в постель и сразу провалилась в целительный сон. В нем ко мне снова пришли Игнат и Наташка. Они кружили рядом и просительно заглядывали в глаза, а я... сказала им, чтобы уходили и были счастливы. Я начинаю новую жизнь!

* * *

Вечером проснулась с удовольствием. В теле чувствовалась бодрость, за окном пели птицы, и я поняла, что готова к прогулке.

Приставленный ко мне синьором слуга по имени Пирэт осторожно взял меня под руку и помог спуститься к винограднику. Под ногами робко пробивалась зелёная травка. И, чувствуя себя беспомощным младенцем, я ступила на неё, наслаждаясь каждым шагом. Казалось – сама земля вливает в меня силы.

Пирэт усадил меня на скамейку среди роз и деликатно отошёл в сторону, позволив побыть одной. Я любовалась пейзажем и вдруг заметила дядюшку. Синьор Портэлл стоял в тени апельсинового дерева и беседовал с кем-то из работников виноградника. Я невольно залюбовалась незнакомым мужчиной – высокий, худощавый, но очень грациозный. Чем-то он напомнил мне красавцев с полотна Караваджо. Темные волосы крупными кудрями спадали на лоб, а из одежды на нем были лишь темные брюки да повязка, придерживающая волосы.

Заметив, что я за ними наблюдаю, мужчины перекинулись еще парой слов и разошлись. При этом незнакомец посмотрел на меня с легкой улыбкой и махнул рукой, словно хотел сказать, что мы еще увидимся. Дядюшка Одэлис неторопливо двинулся ко мне.

– Вижу, тебе стало лучше, Кати! Поужинаешь со мной? Марта обещала пирог с овечьим сыром!

– С удовольствием! – отозвалась я, любуясь закатом.

Мы переместились на веранду, и под теплый пирог синьор продолжил мое обучение. Жаль, я не сразу это поняла и не все записала. Он неспешно и толково объяснял, чем занимаются весной работники. Показывал, чем отличается правильный «хохол» от неправильного. Как подрезать розы, чем подкармливать

кустики весной.

Когда солнце село, и меня наконец отпустили, голова гудела от полученных знаний. Всю ночь мне снились ровные ряды подвязанных и подрезанных лоз, корыта с подкормкой, солома, приготовленная для мульчировки и укрытия самых теплолюбивых сортов винограда. А утром, едва солнце протянуло первый луч, синьор уже стучал в мою дверь:

– Кати, хватит спать! Пора на виноградник!

Я вскочила, плеснула воды в лицо и тут же увидела приготовленный с вечера наряд. Кто его принес – я не знала, но сразу поняла, что этот костюм идеально подходит для работы в саду.

Простая полотняная рубаша – свободная, с длинным рукавом. Юбка из двух половинок, стянутых шнурком. Вышитый овчинный жилет – от весенней прохлады. И широкополая соломенная шляпка с лентой-завязкой под подбородком. Рядом стояли грубоватые кожаные башмаки на деревянной подметке, а на них лежали шерстяные чулки – тепло и надежно, пусть и не очень красиво.

Дядюшка Одэлис ждал на веранде. При виде меня он поднялся с места и одобрительно прицокнул языком. Ведомая какой-то бесшабашной радостью, я заулыбалась и покружилась на месте, позволяя себя рассмотреть.

– Настоящий виноградарь, – одобрил он. Глаза синьора Портэлла подозрительно заблестели.

Сам дядюшка Одэлис был одет в нечто похожее. Только вместо юбки на нём были полотняные штаны, заправленные в сапоги до колена. Такие же сапоги он протянул и мне.

– Надевай, Кати, и пойдём, – позвал он, – лучшее время для работы – когда роса ещё не сошла.

Я переобулась, и мы спустились к винограднику.

Ровные ряды, разбитые на неравные кварталы, тянулись, сколько я могла видеть. На первый взгляд мне показалось, что они простираются до самого горизонта. Ещё тёмно-бурые, без единого зелёного пятнышка, только люди разбавляли это однообразие своей светло-серой одеждой.

По дороге синьор Портэлл продолжал пояснять:

– Ты, наверное, думаешь, зачем этот старый дурень поднял меня ни свет ни заря и тащит обрезать лозы вот этими нежными ручками? – он взял мою ладонь, осторожно сжал и поцеловал сухими старческими губами. – Я тебе объясню, Кати. Все эти люди, – дядюшка Одэлис повёл вокруг рукой, – они всего лишь работники. Они приходят на эту землю, выращивают виноград, получают за это плату и... уходят. Они не чувствуют лозу, не знают её души и даже не догадываются о ней. Но мы с тобой – совершенно другое дело. Мы должны зреть в самое нутро лозы, знать все её беды, потаённые желания, сродниться с ней, стать близкими друзьями. Только тогда лоза поверит нам и отдаст свои жизненные силы, которые и делают вино волшебным, позволяют исцелять душевные раны, возрождать утраченные чувства, обретать веру. Но для этого лоза должна поверить нам. А как этого добиться?

Дядюшка Одэлис вопросительно посмотрел на меня.

– Как? – увлеченная рассказом я потянулась к нему.

Синьор по-доброму усмехнулся и щёлкнул меня по носу.

– Для того чтобы лоза узнала тебя, ты должна позаботиться о ней. Хорошенько позаботиться. Обрезать лишние побеги, найти засохшие или соевшие ветви, подкормить, подвязать... Много чего должен уметь виноградарь. Но самое главное – он должен любить своё дело и болеть за него.

Мы прошли по ряду. Повсюду работники, склонившись над побегами, щёлкали секаторами.

– Смотри, Кати, – дядюшка Одэлис вытащил из кармана такой же секатор, – обрезка позволяет нам создать нужную форму. Лоза растёт из земли вверх, но потом мы пускаем виноградные рукава в стороны, вот по этим прутьям, связанным в длинные ряды. Это позволяет ягодам вобрать больше солнца, стать

слаще и напитаться жизненной силой. Видишь, эти побеги? Они заберут силу у ягод для собственного роста, поэтому мы должны отсекать их без жалости. И главное – успеть всё сделать, пока не опушились почки...

Он щёлкнул секатором. Я как раз склонилась ближе к лозе, чтобы получше разглядеть, и щелчок раздался у самого моего носа.

– Попробуй, – синьор Портэлл протянул мне секатор. И я почувствовала тепло нагретой деревянной рукояти.

– Здесь? – неуверенно захватила короткими изогнутыми ножницами свежий побег и вопросительно взглянула на дядюшку Одэлиса.

Он с улыбкой кивнул. И я, чуть осмелев, сжала рукояти.

Раздался щелчок, и побег отскочил в сторону. Я выдохнула, только сейчас осознав, что всё это время не дышала, опасаясь причинить боль крохотному кустику.

Понимаю, что всё это наверняка для кого-то было рутинной работой, но для меня оно стало откровением. Магией, незнакомой мне прежде. В этой работе была своя музыка. Мелодия, состоявшая из щёлканья ножниц, перекличек работников и пересвиста птиц, радующихся солнечному утру.

Кто-то из мужчин негромко запел приятным голосом. Остальные работники подхватили.

Собирала ягоду

Дульсинея.

Сладкую ягоду

собирала.

Я смотрел за ней,

притаившись.

Наблюдал, за кустом

укрывшись.

Губы Дульсинеи сладки

от сока.

А в крови моей бушует

сирокко...

Я заметила, что и сама подпеваю, хотя слова услышала впервые в жизни.

Но это утро, эти люди, эта песня и главное – окружающие нас лозы приносили успокоение, изменяли меня, заставляли забыть прошлое и принять новую жизнь.

Работали мы больше двух часов, а потом от построек раздался гулкий звон колокола.

– Время завтрака, Кати, пора передохнуть.

Я отрезала последний побег и послушно убрала секатор. Спина ныла от тяжёлой непривычной работы, но душу наполняла радость. Сейчас я чувствовала себя на своём месте.

Выпив горячего кофе и отведав чудесных булочек с изюмом и корицей, мы снова вернулись на виноградник.

Дядюшка Одэлис оказался превосходным наставником. Сначала он рассказывал теорию, затем показывал, как сам это делает, ну а после позволял мне попробовать. Исправлял, если я ошибалась. Показывал снова. И не скупился на похвалу.

И даже ноющая в конце дня спина не могла стереть улыбку с моего лица.

Я была счастлива. По-настоящему счастлива. Потому что не умерла в ледяной реке. Попала в другой мир. Встретила дядюшку Одэлиса, который показал мне, какой прекрасной может быть возрождающаяся весной виноградная лоза.

Глава 3

Дни летели за днями. Я совершала ошибки и глупости – кто же их не делает, но не теряла энтузиазма. Эта земля вдыхала в меня жизнь и новые силы.

Так однажды я умудрилась забыть про шляпку и жестоко обгорела на солнце. Марта, причитая, хлопотала вокруг меня, щедро обмазывая покрасневшую кожу кислым молоком. На следующий день было больно даже улыбаться и говорить, но я упрямо вышла к лозе, прикрыв пунцовое лицо лёгким шарфиком, свисающим с полей шляпки.

В другой раз я наступила босой ногой на гнездо плодовых ос, потом неделю прихрамывала, надевая вместо сапог деревянный башмак на раздутую забинтованную ступню.

В третий раз перепутала жгучую ядовитую траву с мятой, обожгла лицо и руки до волдырей. Пришлось несколько дней ходить в маске, смазанной яичным белком и медом.

Дядюшка качал головой, подбадривал и утешал, но сказал однажды, что эта земля меня испытывает:

– Каждый владелец виноградника проходит через эти неприятности. Любой мастер вина должен знать, что испытывают работники, переносящие жар полудня, укусы насекомых и боль в спине.

– А вы тоже, дядюшка? – спросила я, аккуратно снимая повязку с руки – шип розы воткнулся под ноготь, пришлось почти неделю мучиться от боли, ежедневно устраивая солевые ванночки и перевязки.

– И я, – кивнул синьор и предался воспоминаниям: – обгорел я, когда уснул в одних штанах на берегу реки после купания. Весь живот спалил! Две недели рубаху надеть не мог! Гнездо осиное мне на голову свалилось. Я в молодости кудрявым был, волосы как шапка – густые. Пока все выбрали, лицо превратилось в сырую лепешку. Матушка неделю меня свежими огурцами обкладывала, чтобы отек спал.

Я поежилась. Выходит, мне еще повезло!

– Шип розы мне в пятку воткнулся, да в то самое время, когда вино давили. Ох, я и смешил всех, прыгая на одной ноге!

Вот тут мне аж плохо стало – крови я всегда побаивалась.

– Зато потом я по розарию даже босиком ходил, ни одна колючка меня не тронула, – фыркнул старик.

Мне стало полегче. Выходит, все эти неприятности – прививка от самонадеянности?

Еще дядюшка ненавязчиво объяснил мне разницу между мной – ученицей винодела и мелкими чернявыми работниками виноградника. Они частенько бросали на меня восхищенные взгляды, бормотали комплименты, иногда даже свистели вслед. Но тут же получали подзатыльники от своих «старших».

Оказалось, в этом мире есть четкое разделение на аристократов и чернь. Представители высшего общества – белокожие, светлоглазые, блондины или светло-русые. А крестьяне – смуглые, черноглазые и черноволосые. Я со своей светлой косой и голубыми глазами однозначно являюсь аристократкой.

– Если вдруг в бедняцкой хижине рождается светлокожий и светлоглазый ребенок – это большое счастье для такой семьи, – объяснял мне реалии синьор. – Мальчика могут взять секретарем или даже приемным сыном в аристократическую семью. Девочку – в воспитанницы или любовницы. В любом случае семья получит денежное вознаграждение...

– Почему? – удивилась я.

– Это хороший способ освежить кровь, – пожал плечами дядюшка Одэлис. – По легенде когда-то в этих краях жили только темноволосые и темноглазые люди. Потом откуда-то с севера пришли светлокожие. Их было мало, но их силы и умения превосходили темноволосых. После ряда кровопролитных битв светловолосые захватили этот край, поставили свои собственные дворцы и храмы, сделали темноволосых рабами. Поскольку светловолосых было мало,

воины тешили свою похоть с темноволосыми женщинами, и кровь первых завоевателей осталась течь в жилах рабов. Иногда она проявляет себя.

Я судорожно вздохнула. Печальная история! Но я не хотела бы вдруг стать смуглой и темноволосой.

– Сейчас другие времена, – пожал плечами синьор, – талантливый человек может родиться в любой семье, и уже немало знатных родов смешали кровь с бывшими рабами. Бастарды получают должности, власть и силу, но для женщины все же лучше нести в себе древнюю кровь...

Я только покивала на этот вывод и отодвинула тарелку.

Мы закончили завтрак и двинулись в ту часть сада, где росли плодовые деревья и ягодные кусты. Лозы, подрезанные и удобренные, радовались яркому солнышку. Настало время уделить внимание тому, что добавит королевскому вину особого вкуса.

Тут тоже требовались обрезка и очистка, подкормка и сбор насекомых. Если лозе угрожали слизни – крупные, с мой большой палец, виноградные улитки, то фиговые и абрикосовые деревья облюбовала тля. Дядюшка сам наводил в огромном бочонке средство от этой напасти и велел мне записывать рецепт. Потом работники, накинув на себя огромные серые «куколи» из грубого полотна, с помощью полынных веников разбрызгивали эту резко пахнущую субстанцию на ветки деревьев.

Все это заняло несколько дней. Закончив с обработкой и уборкой, мы отправились в подвалы.

Глава 4

Однажды утром я, как обычно, спустилась вниз, поправляя поля своей шляпы, но дядюшка Одэлис заявил, что сегодня мне это не понадобится.

– Мы разве не будем работать на винограднике? – удивилась и немного расстроилась я.

– Сегодня я покажу тебе место, куда мечтают попасть многие гурманы нашего королевства, но видят его лишь единицы, – с хитрой улыбкой поведал мне синьор Портэлл.

Я замерла, очарованная его словами, но дядюшка лишь ещё сильнее заулыбался, ничего мне не пояснив. Только подмигнул хитро:

– Идём.

Мы вышли на улицу. Я уже привыкла вставать рано, когда солнце только начинало золотить деревья и землю, ещё не успев высушить росу. Это доставляло мне неведомое ранее удовольствие, как будто я наблюдала рождение нового дня.

Дядюшка Одэлис не свернул вправо, как обычно, на утопанную дорожку, ведущую к винограднику, а пошёл дальше, вперёд, в ту часть шато, где я ещё не была. Только видела издали одноэтажные постройки, обмазанные белой глиной.

Впрочем, мы прошли мимо этих домиков. Я всё разглядывала их, да оборачивалась на усадьбу, которая стояла, освещённая солнцем, и казалась мне самым прекрасным местом на свете.

Не заметила, что дядюшка остановился, налетела на него.

– Осторожнее, егоза, какие вы, молодые, шустрые, всё куда-то спешите, – попенял он мне, наклоняясь.

Я удивлённо рассматривала место, куда мы пришли. Потому что это был... холм. Большой высокий холм с покрытыми травой крутыми склонами. А мы стояли у маленькой дверцы, почти незаметной в густой траве.

Она была тёмно-серой, почти чёрной, равняясь цветом с землёй. Если не знать, что здесь есть вход, то и заметить его можно было, лишь уткнувшись в дерево носом.

Дядюшка Одэлис повернул ключ и потянул дверцу на себя. Я ожидала громкого скрипа, всё же место было странное и таинственное. Но дверь открылась совершенно бесшумно, будто петли недавно смазывали. Да и сами доски были толстые, плотно пригнанные друг к другу. Такую дверь очень трудно сломать, даже сильному человеку.

Что же здесь прячет синьор Портэлл?

Предвкушение прикосновения к тайне старого винодела пробежалось мурашками по моей коже.

Дядюшка Одэлис сунул руку в тёмный проём и словно по волшебству достал масляную лампу. Как я узнала позже, сразу за дверью в стену были вбиты крюки, на которых эти лампы и висели, а тогда мне почудилась настоящая магия.

Запалив огонёк, дядюшка шагнул внутрь, позвав меня за собой.

Мне было немного страшно идти в темноту. Но синьор Портэлл, двигаясь вперёд, зажигал светильники на стенах. Наконец я смогла разглядеть, что это за место.

И ахнула от изумления.

Потому что я попала в святая святых любой винодельни – винный погреб. Нет, это был не погреб, а огромный подвал – настоящее подземелье.

Мы оказались в большом помещении с высоченными потолками и серыми каменными стенами, в которых были выбиты неглубокие ниши. Что в них только не хранилось – лампы и факелы, различный инструмент, пустые бутылки и даже... плоды.

Спросить зачем, я не успела, поняла сама, потому что в подземелье было безумно холодно. Градусов двенадцать-четырнадцать, не выше.

– Можно я возьму? – спросила дядюшку Одэлиса, чувствуя, что зубы начинают выстукивать зажигательный испанский танец.

Синьор Портэлл удовлетворённо кивнул. Думаю, он намеренно не предупредил меня, что понадобится тёплая одежда – хотел, чтобы поняла сама.

Пока я куталась в тёплый плед, дядюшка Одэлис зажжёт остальные светильники. Стало видно, что из первого помещения, которое я про себя окрестила холлом, вели несколько длинных галерей, окончания которых утопали во мраке.

– Идём, – оглянулся старый винодел и шагнул в одну из галерей.

Я восхищённо ахнула. Это была настоящая сокровищница.

Широкий ход с таким же высоким потолком и каменными стенами, что и холл, уходил далеко вперёд. В стенах так же были выбиты небольшие, но глубокие ниши, доверху наполненные бутылками, пробки которых чуть выступали наружу.

– Потрясающе, – протянула я под одобрителем взглядом дядюшки Одэлиса. – И в каждой хранится вино?

– Да, – кивнул синьор, – в пяти галереях по правую сторону хранится «Королевский лекарь». В этой «Королевская ночь». – Дядюшка потянул одну из бутылок расположенной у самого пола ниши, и я услышала глуховатый стеклянный звон. Бутылка была тёмно-зелёной слегка припорошенной пылью, а внутри плескалось нечто настолько тёмное, словно это был сам мрак. – Любимое вино нашего короля. Это купаж прошлого года из двух чёрных сортов. Вино очень терпкое, с чуть заметной горчинкой и едва заметным сладким послевкусием. «Королевскую ночь» начал поставлять мой прадедушка. Он был последним, кто выпустил новое наименование. Больше наше шато не получало такого позволения. Всего мы поставляем королевскому двору пять наименований вин, и в каждом есть «королевский»: «Королевская ночь», «Королевский рубин», «Королевский лекарь», «Королевская роса» и «Королевский поцелуй». Он в соседней галерее. Это сладкое вино очень любит королева.

Мы шли вперёд, и я замечала, чем дальше мы от входа, тем больше пыли на бутылках.

– Почему они такие грязные? – удивилась я вслух и тут же осеклась – вдруг дядюшка Одэлис обидится.

Но он только усмехнулся.

– Думаешь, старый Одэлис – грязнуля и не следит за королевским вином? – я смущённо потупилась, раздумывая, как оправдаться и не задеть чувства старого винодела. Но он вовсе не обиделся и сам объяснил мне: – Волшебное вино не любит суеты, оно должно лежать в покое. Если взял бутылку с места, должен выпить её в ближайшее время. Иначе вино проснётся от сотрясения и начнёт делиться жизненной силой. Не выпьешь вовремя – и вся магия пропадёт.

Я удивлённо посмотрела на пыльную бутылку в руках винодела.

– Эту красавицу, – пояснил дядюшка Одэлис, – мы с тобой откроем сегодня вечером. Весной я всегда пробую свежую заготовку. Все процессы уже запущены, и можно понять – вышло у меня королевское вино или нет. Как-то несколько лет назад пришлось уничтожить всю партию, потому что я недосмотрел. В вине не было ни капли волшебства. Той осенью умерла моя дорогая супруга... – его голос прервался.

Мне захотелось обнять старого винодела, утешить, сказать, что всё будет хорошо, но я решилась только сжать его ладонь.

– Спасибо, милая, – я ощутила ответное пожатие. – А теперь идём дальше. Хочу показать тебе остальные галереи, пока ты не превратилась в сосульку.

Мы дошли до конца галереи и оказались ещё в одном просторном круглом зале. Вдоль стен здесь стояли большие деревянные столы и приставленные к ним лавки.

На мой вопросительный взгляд дядюшка Одэлис пояснил, что это дегустационная зала. Несколько раз в год приезжает королевская комиссия и пробует вина, прежде чем увезти их королю.

Из дегустационной мы повернули назад, в одну из галерей. Пять длинных ходов с королевским вином выглядели одинаково. А ещё в двух вдоль стен стояли огромные деревянные бочки с металлическими обручами. Здесь готовились королевский херес и вермут.

– Ну идём, дочка, а то ты совсем посинела, – дядюшка Одэлис потянул меня к выходу.

Я хотела спросить, как он разобрал цвет моего лица при свете ламп, но почувствовала, что по коже от холода уже бегут стаи мурашек. А зубы снова возомнили себя кастаньятами и начинают выстукивать ритм.

Глава 5

На улице я быстро согрелась, и день пошел своим чередом. А вечером дядюшка Одэлис позвал меня посидеть у огня с работниками. Объяснил, что это тоже часть магии вина. Хозяин виноградника должен знать работников в лицо и по именам, понимать, кто и с чем лучше работает, чтобы все делалось максимально хорошо и правильно.

Хозяину смуглые люди обрадовались. Оказывается, сегодня был день перед выходным – что-то вроде пятницы, поэтому работникам выдали большую оплетенную бутылку простого, не волшебного вина, чтобы повеселиться.

На специальной площадке развели костер, поставили на него огромный котел с похлебкой, а рядом корзину с хлебом и сыром. Сыр был тоже свой. Я уже знала, что ниже склонов, увитых виноградом, прямо у подножия холма находилась маленькая ферма. Коров там кормили не только травой и кукурузой, но и сушеным жомом от производства вина, поэтому сыр имел насыщенный цвет и необычный привкус.

Нас с дядюшкой приняли в кружок, предложили грубые глиняные кружки с вином и похлебку. Мы отведали горячее варево, больше похожее на кукурузную кашу, а потом переключились на хлеб и сыр. Все же край был сельскохозяйственный, поэтому до глубокой осени мясо тут почти не ели.

Огонь, легкое вино, разговоры...

Когда спустилась ночь, кто-то из работников принес гитары, и зазвучала музыка. Долгие протяжные песни разбудили во мне тоску по дому, слезы набежали на

глаза, но дядюшка накинул мне на плечи большую красивую шаль, подлил вина, насыпал в ладонь изюма, как маленькой девочке, и меня вскоре отпустило.

Ночью прошёл дождь. Хороший такой майский ливень с сильной грозой и яркими молниями.

Это мне рассказал за завтраком дядюшка Одэлис. Пришлось поверить ему на слово, поскольку я спала так крепко, что не видела сверкания и не слышала грохота. Но кусты и деревья, затеняющие веранду, выглядели умытыми, а на траве блестели капли дождя.

Перед выходом из дома синьор Портэлл протянул мне нечто, отдаленно напоминающее резиновые сапоги. Правда, очень отдаленно, потому что эта... хм... обувь состояла из крупных ороговевших чешуек.

С некоторой опаской я сунула ногу внутрь. Дядюшка Одэлис с насмешкой смотрел на меня. Сам он был обут в такие же «сапоги». И только это заставило меня решиться на эксперимент.

Впрочем, кусаться обувь не собиралась. Я сделала несколько шагов, потопала, проверяя удобство сапог, и нашла, что они вполне ничего – носить можно. Тяжеловато только.

Впрочем, первый же шаг с крыльца показал, что дядюшкина предусмотрительность была вполне обоснована. Ибо я провалилась в чавкающую грязь по щиколотки. Точнее провалились сапоги.

Уже уверенная, что теперь мне придётся приложить немало усилий, чтобы выбраться из западни, подняла правую ногу. И с удивлением заметила, что сапог выскользнул из грязевой ловушки легко, причём на нём не осталось ни следа этой самой грязи. Вторая нога поднялась так же легко, и вскоре я уже с удовольствием хлюпала по размякшей тропинке, намеренно выбирая места погрязистее.

И чувствовала ничем не замутнённую радость первооткрывателя, совсем как в детстве.

Дядюшка Одэлис только посматривал на меня с доброй хитринкой, но ничего не комментировал. И я была ему благодарна и за заботу, и за эту возможность порадоваться новому открытию.

Гроза ушла, но непогода осталась, прячась поблизости за низкими серыми тучами и угрожая в любой момент пролиться мелким противным дождём.

– У нас сегодня очень ответственное задание, надо поторопиться, – сообщил дядюшка Одэлис, обернувшись ко мне. Я устыдилась и прибавила шагу.

Всё-таки никак не могу привыкнуть к тому, что это другой мир – слишком он похож на наш. И в то же время так разительно отличается.

По винограднику бродили хмурые заспанные работники и отчаянно зевали. Проникнувшись общим настроением, я зевнула в ответ. И только тогда заметила, что в руках у людей нет привычных инструментов. Вместо того, чтобы обрабатывать лозы, часть работников втыкала в междурядье факелы и поджигала их, а другая часть бродила по рядам с глубокими корзинами.

Такую же корзину вручили и мне. Я автоматически сжала пальцы на ручке и вопросительно уставилась на синьора Портэлла, который смотрел на меня с хитрым прищуром.

– Надеюсь, ты не боишься улиток? – улыбнулся он.

– Каких улиток? – не сразу дошло до меня.

– Виноградных, – засмеялись откуда-то с соседнего ряда. И над виноградником разнёсся задорный смех работников.

Я уже заметила, что их очень веселят мои пробелы в знаниях и удивление, которое мне никак не удавалось скрыть. Впрочем, я не обижалась. Посмеивались надо мной по-доброму, без злобы. Но чаще помогали, подсказывая, что и как нужно делать, если дядюшки вдруг не оказывалось рядом, чтобы помочь.

Я посмотрела взглядом на работников, которые склонялись над лозами, нагибались почти к самым корням, переворачивали камни и что-то собирали в

корзины.

Улитки. Точно, виноградные улитки, что-то я о них слышала в прежней жизни.

– Эти слизни – настоящие вредители, – дядюшка Одэлис поднял крупную улитку, спрятавшуюся в серо-коричневую раковину, и продемонстрировал мне. – Но и очень полезные.

Вокруг снова засмеялись.

И я решила не переспрашивать, чем же полезны улитки. Эти хохотуны иногда такие скабрёзности придумывали, что, несмотря на мой возраст и жизненный опыт, краснела как юная девственница.

Просто присмотрелась, заметила прицепившегося к лозе вредителя, ухватила его двумя пальцами и аккуратно положила в корзину. Постепенно охота меня увлекла. Улитки проявляли чудеса маскировки, и иногда, оглянувшись назад, я вдруг замечала пропущенный панцирь. Хотя была уверена, что тщательно изучила каждый сантиметр.

Через час я уже не замечала ничего вокруг, кроме хитрых улиток, так и норовивших обмануть меня, прикинувшись камушком.

Глава 6

Прорезавший тишину злобный вопль застал меня врасплох. Я резко выпрямилась и уронила корзину, из которой тут же началось паническое улиточье бегство.

– Одэлис! – вопль раздался снова.

Я заметила, что другие работники продолжали своё дело. И кроме меня, никто не пытался определить источник неприятного звука. Я же не понимала, что происходит, и крутила головой по сторонам. Наконец взглядом вычленила несуразную фигуру, застывшую в начале виноградника и нелепо размахивающую руками.

Дядюшка Одэлис, собиравший улиток в соседнем ряду, тяжело вздохнул и направился к источнику воплей.

Я напрягла зрение, но отсюда было не разглядеть, что там происходит. А мне стало любопытно, кто пожаловал к дядюшке. Ведь я здесь уже почти два месяца, и за это время ни разу не видела гостей. Все лица в шато были мне уже хорошо знакомы. И сейчас любопытство так и подмывало увидеть новенькую.

Тем более это была женщина. Вопль-то был явно женский.

Воображение тут же услужливо нарисовало грустную историю любви винодела и... какой-нибудь синьорины, которую жестокие родители не пустили за него замуж. Конечно, я знала, что у дядюшки была горячо любимая жена, которая покинула этот мир несколько лет назад.

Но любопытство уже расправило свои крылья, и я потащила за ним по грязи, чтобы хоть одним глазком увидеть таинственную гостью.

Вблизи стало видно, что это действительно женщина. Несуразность её фигуры объясняло странное одеяние, состоявшее из множества слоёв ткани, которые были украшены длинными перьями. Пёрышки трепетали от малейшего движения и создавали ощущение, что женщина вот-вот собирается взлететь.

Руками она тоже активно размахивала, но почему-то не двигалась с места. Да и вообще казалось, что неизвестная гостья... прилипла к земле.

Мамочки, она же вляпалась в грязь.

Осознав, что происходит, я прибавила шагу, чтобы помочь дядюшке Одэлису вызволить незнакомку из западни. В этих, оказавшихся очень удобными, сапогах я совершенно забыла о непогоде.

Но непогода не забывала о нас. И словно насмешкой сверху мелко и часто заморосило.

Женщина особо пронзительно взвизгнула, а потом, заметив, что дядюшка уже близко, заголосила что есть мочи:

– Одэлис Портэлл, ты старый маразматик! Немедленно вытаскивай меня отсюда!

Придуманная история любви тут же растаяла туманной дымкой. Любовью здесь явно и не пахнет. Да и вообще тёплыми чувствами. На месте дядюшки Одэлиса я бы сто раз подумала, прежде чем выручать эту злую тётку.

Я была уже почти рядом и хорошо разглядела нежданную гостью. Она выглядела почти ровесницей синьора Портэлла. Женщина была высокой, худой, с длинным носом на узком лице. Губы у неё были тонкими и так плотно поджатыми, что настроение синьоры угадывалось с первого раза – она была очень зла.

– Здравствуй, Прима, – подойдя к женщине, дядюшка Одэлис широко раскинул руки, словно бы собираясь её обнять. Гостя дёрнулась назад, потеряла равновесие и упала в грязь.

Я замерла, втягивая воздух сквозь зубы. Ну, сейчас синьору Портэллу не поздоровится. Но он, к моему удивлению, откинул голову и захохотал.

– Ты ещё пожалеешь об этом, Одэлис, – прошипела женщина, и я подумала, что зря он смеётся. Не знаю, кто эта тётка, но от её выражения лица меня пробрал озноб. Она явно была очень мстительной особой.

Однако синьор не обратил на шипение никакого внимания. Подозвал пару рабочих, и они кое-как подняли синьору, посадили на плечи и понесли к дому. Навстречу выскочила экономка, вежливо запричитала и приказала мужчинам нести синьору Приму на задний двор, чтобы снять испачканную одежду и немедленно принять ванну.

Дядюшка проводил процессию хитрым взглядом, подозвал к себе синьору Барнс и пошептался с ней о чем-то. Потом насвистывая, окликнул меня:

– Кати, ты славно поработала, солнце уже высоко! Пойдем, перекусим и проведем сиесту в тени.

Я радостно поспешила за синьором Портэллом, забыв одернуть подвернутые юбки. А на веранде нас встретил гость.

– Роналдо, – нейтральным тоном сказал дядюшка, разглядывая бледного молодого человека – тощего и длинного как циркуль.

– Дядюшка Портэлл, – юноша шаркнул ножкой и поправил очки, удобно сидящие на выразительном носе.

– Синьорина Катарина, позвольте вам представить моего племянника, Роналдо да Прима да Селесто.

Я присела в книксене, незаметно одергивая юбки. Если я правильно поняла, дядюшка, представляя племянника не назвал фамилию, а сказал что-то вроде сын Примы и Селесто. Интересно. Почему так? Не любит его отца? Или тут что-то другое?

Между тем племянник пробежался оценивающим взглядом по моему лицу, загорелым кистям рук, укороченной юбке и высокомерно изогнул бровь:

– Дядя, вы приютили сироту? Из этих?

Вот тут я поняла и вскипела. Мальчишка явно принял меня за полукровку – и сразу взял оскорбительный тон. Синьор Портэлл побагровел от гнева и резко оборвал непочтительного родственника:

– Прикуси-ка язык, Роналдо! Синьорина Катарина моя ученица! В отличие от тебя она знает, что виноградником нельзя управлять с веранды!

Юнец смешался, пробормотал извинения, на которые я не обратила внимания.

– Дядюшка, раз к обеду будут гости, я пойду, переоденусь...

– Ступай, Кати! И не торопись, Прима будет отмываться и гонять слуг до сиесты!

Я легко улыбнулась и двинулась в свою комнату.

Глава 7

Наша горничная – смуглая и черноглазая девочка с блестящими косичками еще утром налила чистой воды в большой таз. Пока я собирала улиток, вода согрелась, и ею было очень приятно смыть пыль и пот.

Потом я расчесала волосы до глянцевого блеска, нанесла на кожу лица немного кашицы из сливок и розовых лепестков, вбила кончиками пальцев и смыла. Не крем, но что-то подобное. Все же за кожей нужно следить в любых обстоятельствах!

Настало время выбрать платье. Я остановилась у открытого сундука. Дядюшке гости не по нраву, значит, излишне наряжаться не стоит, однако нельзя допустить, чтобы меня перепутали с полукровкой-сиротой, принятой в дом из милости. Я ученица! А это статус!

В итоге я остановилась на белом платье с вышитым голубым узором – еще слишком рано для дорогих вечерних нарядов. Но к платью добавила пару голубых бархатных лент для волос и собственную золотую цепочку. Золото могут носить только аристократы, так что будем всячески подчеркивать статус!

Когда я вышла на веранду, сестра синьора Одэлиса уже сидела за столом с весьма недовольным видом. Дядюшка не приступал к трапезе, дожидаясь меня, и это не нравилось его родственникам.

– Синьорина Катарина, позвольте представить вам мою сестру, Приму Рокуэлл!

Я с трудом сдержала смехок – такое выражение лица было у этой Примы! Еще бы, по этикету младшую даму представляют старшей, а дядюшка все сделал ровно наоборот, пусть и представил сестру с фамилией, а меня только по имени.

– Очень приятно, синьора! – я выполнила заученный книксен и присела за стол.

Синьор Одэлис выдвинул мне стул, зыркнув на племянника, потом сел и поднял бокал с чистой водой – так принято было начинать трапезу. Потом все отдали должное легким закускам – сыру, хлебу, свежей зелени и вареным яйцам.

Когда разлили по первому бокалу вина, синьора Барнс внесла основное блюдо, накрытое крышкой, поставила его в центр стола и удалилась. Дядюшка Одэлис снял серебряный колпак и... сонную тишину сиесты разорвал знакомый визг! Гостья смотрела на блюдо и визжала! Я даже уши заткнула – уж очень немзыкально вопила Прима Рокуэлл.

На тяжелом серебряном блюде на свежих листьях зеленого салата лежали... улитки! Отмытые, отваренные, набитые пряными травами и творогом. Рядом красовались плоские соусы, колечки жареного лука и палочки моркови.

– Прима, – укоризненно сказал ей дядюшка Одэлис, – зачем так кричать? Разве ты не знаешь, что в первый день сбора улиток их традиционно подают к столу?

– Ты! Ты! – у бедной женщины даже слов не нашлось. Она резко встала, скомкала салфетку и ушла.

Синьор Портэлл, посмеиваясь, проводил родственницу взглядом и бодро спросил:

– Ну, кто смелый?

Я спокойно протянула ему тарелку. Улитки и улитки, что такого? Наша Марта наверняка умеет их готовить, а если мне не понравится вкус – доем сыр и салат.

Улитки меня действительно не впечатлили. Было ощущение, что жую землю. Я мужественно выдержала испытание, но от второй отказалась.

Дядюшка Одэлис посмеивался и уминал моллюсков. К моему удивлению, Роналдо тоже активно отдавал должное главному блюду. А я, стыдливо опустив глаза, ковыряла козий сыр.

За столом царил тишина, нарушаемая лишь стуком панцирей о тарелку и чмоканьем, с которым очередную улитку доставали из раковины.

Показалось, что дядюшка Одэлис поглядывает на меня, словно чего-то ожидая. Может, хочет, чтобы я подружилась с его племянником? Но как?

Я совершенно не представляла, о чём говорить с молодым мужчиной этого мира. Что им тут интересно? Чем они занимаются?

А почему бы и нет...

– Чем вы занимаетесь, синьор Роналдо? – я вежливо улыбнулась ему и положила в рот маслину. Надо же, а здесь они совершенно не похожи на те, что привыкла покупать в своем мире.

Показалось, или Рокуэлл проводил моё движение взглядом?

Вопрос он проигнорировал, продолжая уплетать улиток, запивая их красным вином. Дядюшка подождал несколько секунд, а потом позвал его:

– Роналдо?

– Да, дядя Одэлис, – Рокуэлл поднял взгляд.

– Ты ведёшь себя невежливо и заставляешь меня краснеть, – племянник смотрел непонимающе, и синьор Портэлл был вынужден пояснить: – Синьорина задала тебе вопрос, не дело его игнорировать.

– О, простите, синьорина, я не расслышал вопроса и прошу простить меня, – лицо Рокуэлла выражало живейшее желание загладить свою вину. – Что вы хотели узнать?

Я смутилась. Племянник синьора Одэлиса казался таким искренним в своём раскаянии. Вдруг и правда не расслышал? Бывает, задумался.

Я повторила свой вопрос, одновременно разглядывая молодого Рокуэлла.

– В данный момент я изучаю профессию виноградаря, – ответил он то, чего я совсем не ожидала.

Мальчишка был совсем не похож на дядю – высокий и нескладный, и больше напоминал неловкого студента, чем человека, трудящегося на земле. Я с трудом представляла его среди лоз в широкополой шляпе, защищающей от солнца. Но я

до недавнего времени тоже не предполагала, что вдруг начну этим заниматься и увлекусь.

А сейчас могла ли представить что-то иное?

Но почему синьор Портэлл учит не своего племянника? Почему он учит меня?

– Вы так удивлённо смотрите на меня, юная синьорина, наверное, думаете, почему я изучаю сию науку не на винограднике своего дяди? – произнёс он с мягкой улыбкой и стал похож на моего одноклассника Генку, ботана, мучимого всеми хулиганами школы.

Я только кивнула, потому что подумала именно об этом. Взглянула на синьора Портэлла, но тот со снисходительной улыбкой наблюдал за нашей беседой, не вмешиваясь, словно чего-то ждал.

– Дядя считает, что из меня не выйдет виноградаря, в то время как матушка уверена, что я именно тот, кому стоит передать дело.

Юный Рокуэлл нравился мне всё больше. Его мягкая улыбка и самоирония импонировали, и он больше не казался тем самовлюблённым засранцем, которым представился мне сначала.

– А что думаете вы? Чего хотите? – я тоже начала улыбаться, чувствуя себя свободнее.

– Я хочу стать хранителем королевской библиотеки, – вдруг ошарашил он признанием, – но кто же мне позволит? Знатный человек не должен глотать книжную пыль, – с нарочитым пафосом, явно копируя маменьку произнес Роналдо. И тут же потише добавил: – Зато может глотать пыль виноградника и упиваться каждый день...

Королевской библиотеки? Я и не думала, что таковая существует. И вообще, не думала, что этот новый мир огромен и необъятен. Замкнувшись в поместье дядюшки Портэлла, я ограничивалась лишь узким кругом общения и теми знаниями, что он давал мне. А это была в основном информация о винограде и вине.

И, кажется, теперь мне этого было мало. Я хотела узнать о новом мире, приютившем меня и давшем второй шанс. Уже хотела задать вопрос молодому Рокуэллу, как за моей спиной раздался резкий голос его матери:

– Одэлис, нам нужно поговорить!

Глава 8

Чтобы не мешать разговору родственников, я прихватила со стола кусок хлеба с сыром и ушла к себе. Но одно окно моей комнаты выходило как раз на веранду, а Прима Рокуэлл не думала сдерживать голос.

– Одэлис! Что это еще за шуточки?! – возмущенно начала она. – И откуда взялась эта девчонка? Неужели ты решил завести любовницу на старости лет и притащить ее в родительский дом?

– Присядь, Прима! – строго ответил ей дядюшка и даже пристукнул кулаком по столу. – Не смей оскорблять мою ученицу и меня заодно! Ты не хуже меня знаешь, как я любил свою жену и верен ее памяти. Дела шато тебя вообще не касаются! Ты вышла замуж, уехала и получила приличное приданое! Сколько бочек «Королевского лекаря» увез твой благоверный? Пятьдесят?

Синьора Рокуэлл поперхнулась воздухом, а синьор Портэлл продолжил:

– Не смей распространять сплетни при Дворе! Осенью его величество приедет к нам на Бино-Нуво, и если я увижу хоть один косой взгляд в сторону Кати, ты не получишь больше ни единой бутылки вина с королевским клеймом! Думаешь, я не знаю, как ты используешь его?

Прима принялась возражать, но по ее тону было понятно – терять «дань» с шато она не желает. Однако сестричка синьора не оставила свою задумку:

– Брат, – с нажимом сказала она, когда все немного успокоились и выпили вина, – раз уж ты взялся учить эту девчонку, поучи и племянника! Роналдо прилежный мальчик и быстро все схватывает!

– Прима, я уже сказал тебе, что твой сын не годится для этого. Он не чувствует землю, виноград, вино...

– Но он же Портэлл! – возмущенно перебила брата Прима.

– Он чистокровный Рокуэлл! – рявкнул дядюшка Одэлис, перестав сдерживать своё раздражение. – Для того чтобы делать вино с приставкой «королевский» мало фамильного носа и кровных связей! Нужен талант! А его у Роналдо нет и не будет! Все, Прима! Началась сиеста, я пойду отдыхать.

С этими словами дядюшка просто сбежал от громкой сестрички и ее молчаливого сына.

Я же сделала выводы. Мне повезло попасть в благословенный мир, в удачное время, в удачное место, но кто сказал, что я тут буду всегда? Стоит больше узнать об этом мире, выяснить, что происходит за пределами шато и... узнать, как тут вообще живут знатные женщины.

Гости уехали тем же вечером, и повозка их изрядно брякала, наполненная бутылками вина. А следующим утром я попросила у дядюшки свежую газету, которую ему подавали к завтраку.

– Бери-бери, – понимающе усмехнулся он, – правда мы далеко от столицы и газета в лучшем случае позавчерашняя, а то и недельной давности. Да и пишут в них всякую чепуху, но тебе, думаю, будет интересно.

Я развернула двойной лист желтой бумаги, сильно пахнувший типографской краской. Та-ак, что тут? На первой полосе благотворительный весенний бал в королевском дворце. Подробные описания нарядов, музыки, столов... Это хорошо! Это просто прекрасно! Значит, в стране нет войны, голода или эпидемии, раз на передовице печатают новости о шикарных развлечениях.

Что там дальше? Приезд известной театральной труппы, новая любовница наследника, весенние забавы в общественном парке...

Я читала и умилялась – все не так и плохо! Пока не дошла до последней страницы. Тут традиционно печатались объявления в разноцветных рамочках.

Розовые и голубые – о рождении детей, виньетки с голубями – о свадьбах и помолвках, черные – о похоронах и поминальных службах.

И в самом низу мелким-мелким шрифтом объявления о работе. В столице требовались няньки, гувернантки, бонны, служанки, реже экономки, кухарки, швеи. Причем оплата была смехотворной, требования – высокими, а условия работы – сомнительными.

Кое-где красовались уточнения, типа «секретарь с функцией камеристки или горничной» и от этого картина становилась еще безнадежнее.

Дочитав газету, я отложила ее в сторону и прямо спросила дядюшку Одэлиса:

– Синьор, а как у вас обстоят дела с женским образованием?

Старик усмехнулся в седые усы, но ответил:

– Аристократки получают домашнее образование. Тут командуют родители. Каких учителей наймут, то юная синьорина и знать будет. Мальчиков, конечно, учат не только дома, для них есть университеты, школы риторики, а для тех, кто попроще, ремесленные училища.

Я тихонько кивнула. Все как в просвещенной Европе лет двести назад: мужчинам – прогресс, наука и искусство, женщинам – кухня, дети и церковь.

– Дамы еще могут похвалиться если не образованием, то начитанностью и умом, а крестьяне, если и отправляют дочь в школу при храме, то лишь для того, чтобы помогала в лавке или на рынке.

Я вздохнула. Даже странно, что сам синьор не выказал предубеждений против женского образования и взялся меня учить. Но я уже поняла, что дядюшка Портэлл личность особенная.

– А есть ли у вас синьорины, которые занимаются живописью или музыкой? – просто на всякий случай спросила я.

Дядюшка Одэлис усмехнулся, прежде чем ответить:

– В столице чего только нет, Кати, но здесь в провинции все эти занятия для женщины доступны только в гостинной.

Я... поняла. Ты можешь развлекать пением гостей, рисовать цветочки с клумбы, но не зарабатывать своим искусством. Вдохнула, полюбовалась виноградником и бодро встала:

– Что ж, дядюшка, улиток мы собрали, что дальше?

Глава 9

Алистер ди Новайо размашистым шагом сосредоточенного и уверенного в себе человека прошёл в приёмную короля. Секретарь вскочил с места, склонился в быстром поклоне и без промедления открыл дверь кабинета.

И это значило, что его величество ждал своего непризнанного официально, но обласканного деньгами, титулом и влиянием племянника.

Несмотря на то, что Алистер занимал одно из ведущих мест при дворе, хотя и не имел права на трон, он тяготился своим происхождением. Его бабка, бывшая любовницей монарха, умерла при родах и оставила малютку-дочь. Король был не тем отцом, о котором можно мечтать, но он все же вырастил малышку, а потом выдал ее замуж за герцога ди Новайо.

Брак был во многом политическим, и родители Алистера не нашли между собой общий язык. Поэтому ребенок у них был один, хотя попытки зачать «запасного» наследника были. Мать считала, что достойна большего, жила при дворе, и забрала сына в пажи, как только ему исполнилось пять. Вращаясь в самом высшем свете, Алистер пережил немало неприятных минут. Ему пришлось отращивать зубы и когти, чтобы защищать свою честь и доброе имя. Кто-то припоминал ему, что его мать – бастард. Кто-то считал, что герцогу очень не повезло с единственным сыном.

В общем, злоречия и обид хватало, поэтому однажды он попросил у деда направление в высшую школу, окончил ее с отличием и поступил на службу,

начав со скромной должности секретаря. Своего положения он добился сам, не прося королевских милостей. И с гордостью носил звание королевского инспектора.

Несколько лет назад его отец умер, и теперь, несмотря на своё сомнительное (с точки зрения чистоты крови) происхождение, герцог ди Новайо считался одним из самых завидных женихов королевства.

После его высочества, разумеется.

Войдя в кабинет, Алистер поклонился. Несмотря на то, что король ему благоволил, он всегда помнил своё место. И знал, что любой монарх прежде всего является человеком, и его расположение не может быть вечным. Стоит только раз оступиться, и придворные гиены с радостью порвут тебя на куски.

- Проходи и садись, - пригласил его величество Рикардо.

Алистер никогда, даже в мыслях, не называл короля дядей.

Ди Новайо опустился в указанное кресло для посетителей, прежде учтиво поклонившись синьоре Рокуэлл, сидевшей в соседнем кресле. Эта дама была... несколько навязчива. К тому же свято уверена в том, что королевский виноградарь и по совместительству брат синьоры Одэлис Портэлл принижает права её сына на наследование столь желанной ею должности.

Другими словами, дамочка требовала, чтобы брат научил племянника делать вино для королевских погребов, отказываясь понимать, что эта должность не наследуется, а передаётся тем, у кого есть... особые способности.

Напоенное магией вино умели изготавливать только в Лагурии. Для получения волшебного нектара к каждой бочке должны были приложить руку жрица лозы или жрец. А лучше оба сразу, составляя благословенную богами пару. Тогда лоза напитывалась магией воды, солнца и земли и раскрывалась в букете.

Каждый год вино приобретало различные свойства, усиливая или ослабляя их в зависимости от погодных условий и усердия жрецов.

Это были секретные сведения, известные не более чем десятку людей во всём королевстве. Но Алистер знал о магии земли и свойствах лозы не понаслышке – его бабка когда-то была жрицей.

Король Сигизмунд соблазнил её и увёз во дворец. Правда, любовница прожила здесь недолго и умерла родами. Тогдашний жрец не выдержал потери возлюбленной супруги, с которой его связывало благословение лозы. И земля начала умирать.

Дворец перестал получать исполненное магии вино, способное продлевать жизнь и дарить здоровье. А король, осознав свою оплошность, велел срочно найти замену разбитой паре.

На поиски людей, способных поднять почти погибшие виноградники ушли годы. И лишь чудо позволило возродить магические лозы – нашлась пара дальних родственников погибшей жрицы, сумевших возродить шато.

Нынешний король Рикардо относился трепетно к малейшей угрозе королевскому шато, и Алистер обязательно ездил туда несколько раз в год, чтобы проверить состояние всего хозяйства.

Обычно по жалобе синьоры Рокуэлл.

Вот и сейчас, увидев её в кресле для посетителей, герцог ди Новайо мысленно закатил в глаза. У него было полно работы, и тратить время на посещение виноградника вовсе не входило в его планы. Особенно по доносу вздорной женщины.

Но в обязанности королевского инспектора входило беречь магию лозы. И Алистер уже мысленно прикидывал, что можно переложить на плечи помощников, а чему придётся дожидаться его из поездки.

Что поездка обязательно состоится, он понял уже из первых слов жалобщицы:

– Мой брат совершенно выжил из ума! Представляете, он завёл себе молодую любовницу, называет «ученицей» и грозит передать виноградник ей!

Мужчины переглянулись. Король – страдальчески, видимо, слышал эту историю не первый раз. Алистер – слегка озадаченно. Старый жрец нашел ученицу? Так это же прекрасно!

– Как он может учить какую-то содержанку?! – продолжала возмущаться синьора Рокуэлл. – Эта полукровка вытянет из него силы и всё загубит!

Вот это обвинение звучало серьёзно.

Если синьор Портэлл пошёл на поводу зова плоти и предал своё предназначение, придётся в срочном порядке искать ему замену. А это вряд ли будет легко...

Но позволить лозе погибнуть и возродить её снова у них нет права, а значит, королевскому инспектору придется немедленно отправляться в путь и молиться всем известным богам, чтобы синьора Рокуэлл оказалась неправа.

– Езжайте, герцог! – строгим тоном сказал король и кивком головы отпустил племянника.

Глава 10

Герцог ди Новайо уже второй день трясся в неудобной карете, читая испещрённые завитушками записи синьоры Рокуэлл, где она подробно изложила всё, что увидела и услышала в доме брата. Любовницу виноградаря она описала как «тощую, смуглокожую полукровку, посмотреть не на что, совершенно непонятно, что он (то есть синьор Портэлл) в ней нашёл».

Алистер хмыкнул, читая описание. Он бы очень удивился, если бы одна женщина описала другую как красотку. Ему была известна цена ревности и зависти представительниц прекрасного пола. Насмотрелся, когда служил при дворе.

Именно поэтому он до сих пор оставался холостым, хотя в следующем году и должен был отметить свой сороковой день рождения. Но лучше титул и деньги вернуться в королевскую казну, чем он свяжет свою жизнь с мелочной,

завистливой и глупой женщиной.

Герцог поёрзал на подушке, устраиваясь поудобнее. Его привычный к седлу зад, чувствовал себя очень неудобно на деревянной скамье, прикрытой слишком тонкой подушечкой. Но выбирать не приходилось – королевский инспектор не мог приехать с проверкой верхом, как какой-нибудь рядовой охранник.

И герцогу ди Новайо, облеченному властью, но не возможностью выбора, приходилось терпеть душное нутро кареты. Алистер привычно сжал зубы, абстрагируясь от желаний своего тела, и сосредоточился на записях синьоры Рокуэлл. Стоит хорошо изучить ситуацию, прежде чем увидеть её самому и сделать объективные выводы.

Дорога к шато заняла почти две недели. Герцог решил провести полную инспекцию края, поэтому во время остановок осматривал придорожные службы, почтовые станции, храмы и писал отчеты для короля.

К осени, когда его величество отправится пробовать первое в году вино, дороги выгладят, покосившиеся хижины спрячут, трактиры, полные клопов и разбойников, снимут вывески, дабы не попасть под горячую руку королевским гвардейцам. А вот сейчас мирно путешествующий мелкий чиновник, не привлекая внимания, увидит все, как есть. Ради этого и взял потрепанную служебную карету, переоделся в мундир чиновника на пять классов ниже и терпел дурную еду, тряску и визги чиновников, не узнавших королевского инспектора!

Когда на горизонте показалось шато, герцог пребывал в раздражении. День выдался жарким, в карете было душно, а в таверне, в которой пришлось заночевать, бегали тараканы. Завтрак пришлось пропустить – есть в таком месте Алистер не рискнул.

Знакомая дорога ниточкой свернулась на холме, устремляясь на самый верх. Лоза любит солнце, поэтому хозяйский дом занимал совсем немного места на самой макушке холма, а ниже расположился виноградник.

Выйдя из душной кареты, ди Новайо поморщился – время сиесты, их никто не встретил. Но с веранды доносились приглушенные голоса. Он кивнул сопровождению на конюшню:

– Распрягите коней и отдохните.

А сам отправился искать хозяина.

Пятерка солдат из его личной сотни молча свернула к маленькой конюшне, обещающей тень. Они часто ездили с инспектором, сменяя друг друга, и знали его основные маршруты. Поездка в шато была наградой. Угрозы командиру нет, зато есть сыр, вино и свежая зелень. Для того, кто привык ночевать в седле и питаться сухарями и солониной – почти рай.

Герцог поднялся на крыльцо, отдернул тонкую занавесь, закрывающую уютное тенистое пространство от насекомых, и вошел.

Синьора Портэлла он увидел сразу – старик удобно развалился в кресле и, попивая что-то прохладное, слушал девушку. Слушал и улыбался. Девушка вовсе не была тощей и смуглой. Да, лицо и руки загорели, но видно, что сама по себе кожа белая и нежная, как у самой знатной дамы. Не юная, но довольно молодая. Утонченная и нежная, как белая лилия. Скромное светло-зеленое платье, золотые волосы собраны в узел, рядом на широких перилах лежит соломенная шляпка с зеленой лентой и мелкими белыми цветочками. Настоящая синьорина.

Девушка чуть повернула голову, увидела герцога и тотчас встала. За ней поднялся и синьор Портэлл:

– Ваша светлость! Рады видеть. Что же вы не уведомили о приезде? – искренне огорчился винодел. – Мы и не встретили!

Девушка молчала и этим вызвала раздражение герцога. Он из-за нее тащился в душной карете! Терпел клопов, тараканов и мерзкую еду! А она не соизволила даже вежливо поздороваться!

Гость бросил на нее пронзительно-недовольный взгляд и отвернулся.

Синьорина Катарина пожала плечами – мол, видели мы таких желчных типов. И негромко произнесла:

– Сейчас позову экономку, прикажу подать еды, вина и умыться с дороги.

Ди Новайо раздражался все больше. Нет, он держал себя в руках, беседуя с виноделом, но... Герцог уже забыл, что прибыл в шато по приказу короля. Ему казалось – он сам пожелал заглянуть в гости. И разве его принимают как должно? Почему синьорина прячется за спиной покровителя и молчит? Алистеру хотелось увидеть цвет её глаз, услышать голос. Да хоть что-то! А она отводила взгляд, шептала слугам и оставалась в тени, не давая себя рассмотреть.

Очень странная синьорина! Не клюнула ни на его дорогую одежду, ни на выправку, ближе не подошла, так что пустить в ход лесть и улыбки тоже не получилось. Досадно! Ведь ему просто необходимо разобраться в ситуации! Понять, что она за человек! Хотя синьорина распоряжается в доме, словно хозяйка или дочь хозяина. Неужели они с этим седым жрецом и правда любовники? Тогда вино этого года можно будет вылить в нужник!

Но герцог не любил спешить с выводами. Сначала бокал холодной сангрии, хлеб с сыром и зеленью – все, что быстро принесли из кухни. Потом выдохнуть и погрузиться в прохладную воду, спешно набранную в лохань разбуженными работниками.

Надев привычную рубашку из тонкого полотна, жилет и легкие полотняные брюки, ди Новайо решил, что выглядит достаточно прилично, чтобы появиться перед хозяином дома еще раз.

Когда он снова вышел на веранду – там было пусто. На столе стоял кувшин сангрии, бокалы, рядом тарелка с лепешками, накрытая салфеткой и плошка меда. В стороне мелькнул белый фартук:

– Эй! – герцог окликнул смуглую низкорослую служанку, – где хозяин?

– К лозе пошел, – ответила девчонка лет пятнадцати.

– А скажи-ка мне... – Алистер вдруг понял, что у него есть шанс расспросить прислугу. Они ведь все знают и видят... – Где спит та синьорина, которая была здесь с хозяином?

– Синьорина ученица спит в своей комнате, – удивленно хлопнула глазами девчонка. – Синьор ее очень хвалит. Она собрала очень много слизней! И хорошо

обрезала лозу!

– Это хорошо, это правильно, – покивал гость. Он сунул служанке мелкую монету, поправил шляпу и вышел из шато. Солнце уже опустилось вниз, дневной зной утих, хотя до вечерней прохлады было далеко. Среди лоз то тут, то там мелькали шляпы работников – огромные, потрепанные от ежедневной носки. За сезон работники меняли две-три шляпы, а самые щеголеватые и того больше.

Но где же синьор Портэлл?

Алистер прислушался и разобрал голос старика где-то справа. Двинулся туда и увидел белую шляпу синьора, а рядом – знакомую шляпку с зеленой лентой. Они вынырнули из ажурной весенней зелени и снова пропали. Подойдя ближе, ди Новайо увидел, что мастер показывает девушке, как правильно собирать травы для изготовления настоек. Они вместе склонялись к молодым куртинкам, оценивали, выбирали, отщипывали, складывали в корзинки и шли дальше. Ничего романтического в их общении герцог не заметил. Ни взглядов глаза в глаза, ни нарочитых касаний, хотя бы руками, ни уж тем более поцелуев!

Но почему синьора Прима была уверена, что ее брат завел любовницу?

Понаблюдав за работой еще немного, герцог решил, что для него все же слишком жарко, и вернулся в дом. Он осмотрел виноградник. С первого взгляда – все в порядке. Работники работают, виноград растет. И теплая магия этого места присутствует в прежнем объеме. Значит, ученица не вредит шато.

Но все же – почему?

Ответ Алистер получил за ужином. Синьорина вышла к столу в явно перешитом платье. Ткань с таким рисунком была в моде лет двадцать назад. Выходит, синьор Портэлл отдал ученице наряды жены? Это существенная деталь, но девушка держалась скромно, внимательно слушала, говорила только по делу и называла первого винодела королевства «дядюшкой».

Не похоже на любовные отношения.

А когда принесли вино, пирожные, изюм и печенье, Катарина вообще извинилась, взяла книжку и села в уголке, не мешая мужским разговорам. Идеальная дочь или племянница. Впрочем, среди содержанок скромность при посторонних тоже ценится.

Герцог сделал себе пометку, выяснить, в какой семье родилась синьорина, и завел беседу с Портэллом. Темы были обычные – женитьба наследного принца, виды на урожай, качество вина и... ученица.

Глава 11

Я делала вид, что не прислушиваюсь к словам мужчин, а сама вспоминала разговор с синьором Портэллом на винограднике. Дядюшка Одэлис тогда был очень зол и заковыристо ругался. Его расстроило очередное предательство сестры. Синьор Портэлл был уверен, что это Прима вызвала на виноградник королевского проверяющего.

– Дядюшка, но почему вы так уверены? Возможно, король пожелал убедиться, что всё в порядке. Ведь герцог ди Новайо сказал именно так, – я пыталась утешить синьора Портэлла, но понимала, что, скорее всего, он прав.

Эта Прима невзлюбила меня с первого взгляда. Вот в прямом смысле этого слова, как только увидела – так сразу же вспылала ненавистью.

Мне не хотелось разбираться в её мотивах. Сестра моего учителя оказалась не просто неприятной женщиной, но ещё и способной устроить гадости.

А приезд королевского инспектора и был настоящей гадостью.

Герцог показался мне очень опасным. От него веяло силой и уверенностью. Он свысока смотрел на окружающих и давил ощущением власти. В его присутствии я испытывала необъяснимое смущение, сродни страху. Мне хотелось стать маленькой и незаметной, спрятаться от его усиленного внимания, которое всюду преследовало меня.

Он явно был недоволен приемом, и, как только позволили приличия, я ушла с веранды в свою комнату. Здесь было тихо. День оказался долгим, и я быстро легла спать, а с утра королевский инспектор объявил, что желает сам понаблюдать за работами на винограднике.

И началось мое мучение!

Куда бы я ни пошла, оглянувшись, натыкалась на его пристальный, изучающий взгляд с примесью... подозрения. Как будто герцог собирался подловить меня на чём-то непристойном.

Я догадывалась, какой слух запустила обо мне и учителе Прима Рокуэлл. Не зря она обзывала меня потаскухой. Но разве можно обвинять, не имея доказательств? А герцог обвинял – пусть и только взглядом.

Дядюшка, хорошенько прокричавшись в первый день визита, предпочёл сделать вид, что ничего необычного не происходит. Мы продолжили обучение, занимались виноградником, собирали травы для лечебных настоек и добавления в вино. А герцог ходил за нами. Ничего не спрашивал, не задавал вопросов. Только ходил и смотрел. День за днем!

Иногда у меня возникало ощущение, что по шее или по спине ползет жучок. Я пыталась стряхнуть насекомое, но никого не находила, зато каждый раз, обернувшись, я встречалась глазами с герцогом ди Новайо и чувствовала себя жуком под лупой исследователя.

При этом инспектор ничего напрямую не говорил, ни в чём меня не обвинял. Так что я не знала, чего ожидать. Через неделю я так себя накрутила, что, казалось, начала сходить с ума. За каждым кустом мне мерещился герцог.

– Что с тобой происходит? – не выдержал синьор Портэлл, когда дважды повторил свой вопрос, а я так и не услышала.

– Что? Простите, дядюшка, я задумалась.

– Иди-ка сюда, садись, – учитель указал на невысокую скамеечку и сам сел рядом со мной. – Расскажи, что тебя тревожит, Кати.

Я вздохнула, не зная, как объяснить словами своё волнение.

– Я боюсь герцога, – наконец призналась, как есть, – он смотрит на меня как волк на добычу!

– Он скоро уедет, – успокоил меня синьор, сжал мою ладонь. – Здесь ты в безопасности, Кати. Никто не посмеет тебя обидеть, и королевский бастард в том числе.

– Герцог – сын короля? – удивилась я, забыв о страхе. Это многое объясняло – и силу, и властность, и уверенность, что все его послушаются по одному движению брови.

– Нынешнему королю – племянник, а предыдущему внук, – пояснил синьор Портэлл и тут же отмахнулся: – Это долгая и не слишком приятная история для такого хорошего дня.

Я уже знала характер дядюшки Одэлиса и понимала, если он не хочет о чём-то говорить, то его ничто не заставит.

Мне почуялось движение за углом винного погреба, и я подняла взгляд. Ну конечно же, в тени стоял герцог и смотрел прямо на меня. Точнее на ладонь дядюшки, которой тот сжимал мои пальцы в жесте поддержки. Но, разумеется, синьор ди Новайо трактует этот жест совсем иначе.

Я разозлилась. И на Приму Рокуэлл, которая из зависти и ревности распространяет нелепые сплетни, и на королевского проверяющего, который вместо того, чтобы спросить прямо, ходит по поместью, подслушивает и подглядывает. Поэтому не стала вырывать руку из дядюшкиной ладони, а наоборот крепче сжала его пальцы и улыбнулась:

– Спасибо вам, дядюшка Одэлис, я так счастлива, что встретила вас...

– Что ты, моя дорогая, – синьор Портэлл растрогался и плечом вытер выступившие слёзы, – это я благодарен тебе, что ты у меня есть. Боги не дали нам с Гризельдой детей, но лучше тебя дочери я не могу и вообразить. Разве мог я представить, что на старости лет встречу тебя и смогу передать свои умения.

Я снова бросила взгляд на винный погреб, но герцога там уже не было.

Работники и слуги шептались, что проверяющий расспрашивал их о жизни поместья, о моих отношениях с дядюшкой, даже о том, где я сплю.

Вся эта ситуация несказанно злила, но я верила учителю, который говорил, что герцог не посмеет меня обидеть. И я старалась его не провоцировать. Практически не поднимала глаз за столом и молчала. Уходила, как только утоляла голод, и позволяла мужчинам остаться наедине и поговорить. И старалась не бродить по винограднику одна, лишь в окружении работников.

Вот только герцога это не остановило.

На десятый день своего пребывания в поместье Портэлл королевский проверяющий подошёл ко мне.

– Доброе утро, синьорина Катарина, – поздоровался он, вежливо приподняв шляпу. Вот только у меня при его приближении волоски на руках поднялись дыбом, а кожа покрылась мурашками, предупреждая: этот человек опасен, держись от него подальше.

Диего и Васкес, с которыми мы работали рядом, понятливо поклонились герцогу и удалились в другой ряд. Подальше от проверяющего. Я бы тоже с радостью сбежала от него, но в этот раз ди Новайо пришёл по мою душу и так просто не отстанет.

– Доброе утро, герцог, – я глубоко вдохнула, набираясь решимости, а потом посмотрела ему прямо в глаза, отметив про себя, что глаза у королевского проверяющего удивительно красивые, – вы хотели о чём-то поговорить?

– Да, пройдемся? – ди Новайо подставил руку, и мне пришлось на нее опереться.

Со стороны это, наверное, выглядело даже красиво – высокий, сильный мужчина и невысокая хрупкая девушка идут по аллее апельсиновых деревьев, мирно беседуя. На самом деле герцог довольно жестким тоном рассказал мне коротко результаты расследования:

– Я убедился, синьорина, что вы не являетесь любовницей синьора Портэлла. Вы действительно учитесь, и у вас хорошо получается. Вас хвалят и работники виноградника, и слуги, да и «дядюшка» отзывается лишь в превосходном тоне. Все кажется прекрасным, кроме одного... Откуда вы вообще взялись?

Я с трудом удержала лицо, хотя вопроса ожидала. Легенду мы с дядюшкой Одэлисом придумали давно, когда я только появилась в шато. Даже фамилию мою изменили под местное произношение, и заглянувшем в гости соседям меня представляли как синьорину Даниоли. Проговорили, запомнили, но как же тряслись коленки сейчас, когда мне нужно беззаботно изложить эту легенду королевскому инспектору!

Очевидно, мое молчание затянулось, потому что герцог продолжил, уже с некоторым раздражением:

– Я знаю все знатные семейства нашего королевства! У Даниоли нет ни одной девицы на выданье! Этот захудалый клан славится тем, что в нем рождаются только мальчишки! Рыжие!

– Это законные, – я потупилась, изображая смущение и стыд. Синьор Портэлл объяснил мне, что полукровок, рожденных от горничных или гувернанток, иногда спихивают на воспитание в деревню, а потом возвращают в семью, если они выглядят «как надо» или имеют приличные способности.

– Вы слишком хорошо воспитаны, чтобы я поверил в эту сказку!

Вот тут я невесело улыбнулась, вспоминая кое-какие моменты своей настоящей биографии, и не удержалась:

– Знаете, синьор, говорят, можно зайца научить курить, если заниматься с ним каждый день. Иногда страх наказания заставляет нас прыгнуть выше головы.

Мужчина бросил на меня нечитаемый взгляд, но, кажется, своими словами я что-то зацепила в нем. Неужели аристократов тоже воспитывают в страхе перед наказанием?

– Может быть, – наконец сказал он, – однако это все не объясняет вашего появления здесь. Семейство Даниоли живет гораздо севернее.

– Все просто, – я опять позволила себе легкую улыбку, этот момент мы с дядюшкой тоже обсудили, – когда меня вернули в семью, я сильно приглянулась кузену и так же сильно не понравилась его жене. Поэтому при первой возможности она отправила меня как можно дальше, на маленькую ферму экономкой.

Все звучало правдоподобно. Не будут же полукровку выдавать замуж как знатную синьорину? А вот пристроить к делу – это легко!

– По пути меня обокрали, так что до фермы я не доехала. Застряла в дороге. Вот и пошла пешком. Заблудилась, вышла к шато, и дядюшка Одэлис пожалел меня, взял в ученицы.

– Разве родственники не ищут вас? – продолжал давить герцог. – Думаю, они были бы рады узнать, что вы живы.

– Ах, синьор, – я потупила глазки и покраснела, – здесь мне гораздо лучше! Дядюшка Одэлис добр, внимателен и не требует ничего, кроме учебы...

Тут я покраснела еще сильнее и слегка всхлипнула, намекая на приставания к бедной сиротке.

Ди Новайо смотрел на меня с подозрением, но отступил, следуя правилам хорошего тона:

– Понятно, простите, что растревожил ваши раны. Позвольте проводить вас в дом? Становится слишком жарко.

Я молча позволила ему это, а следующим утром королевский инспектор уехал. Все обитатели шато облегченно выдохнули.

Отъезд герцога совпал с первым днём лета. И мы решили устроить праздник. В шато дядюшки Одэлиса умели и работать, и отдыхать.

С наступлением темноты поместье наполнили гулкие голоса и смех. Разожгли костры, на которых жарилось мясо, весь день мариновавшееся в пряностях и кислом вине.

Женщины затянули весёлую песню, и мужские голоса не заставили себя долго ждать – подхватили припев. К ним присоединились скрипки, наполняя песню жизнью и настроением первой летней ночи.

Я умела играть на смычковых, иногда даже садилась подыграть в оркестре, и сейчас так хотелось почувствовать инструмент под пальцами. Выразить всё, что накопилось за недолгие месяцы моей новой жизни.

Нет, мне не было одиноко в шато. Со мной был дядюшка Одэлис и Марта, и Диего с Васкесом, их хохотушки-жёны. И другие работники, которые, я чувствовала, приняли меня и считали своей.

Но иногда, вот как сейчас, веселье во мне резко остывало и сменялось унынием. Я вспоминала предательство мужа и лучшей подруги, свою утраченную навсегда жизнь, любимую работу в оркестре.

Что есть у меня здесь, кроме покровительства синьора Портэлла? Что со мной будет, если дядюшка вдруг остынет ко мне и не захочет учить дальше?

Дядюшка верно перехватил мой взгляд и спросил, склонившись:

– Умеешь играть, Кати?

– Немного, – почему-то неуверенно ответила я.

Синьор тотчас подозвал Диего и приказал принести... его собственную скрипку! Оказывается, когда-то мой добрый наставник отлично играл на всех праздниках, но с годами пальцы утратили гибкость.

Я благоговейно прикоснулась к инструменту и, подтянув колки, подыграла импровизированному деревенскому оркестру, стараясь не выделяться. Работники одобрительно поулыбались, а я поняла, что хочу сыграть что-то пронзительное и трагичное, как «Лебедь» Сен-Санса, но... меня не поймут.

Поблагодарив дядюшку Одэлиса, я отложила смычок и отошла в сторону.

– Привет, красавица, о чём задумалась? – раздался весёлый мужской голос за моей спиной.

Я обернулась. Рядом стоял молодой черноволосый работник, которого я часто видела на винограднике рядом с дядюшкой, но ни разу не разговаривала с ним.

– Почему ты такая печальная? – мужчина не дал мне возможности ответить на первый вопрос и тут же задал второй. Похоже, ему вовсе и не нужны были ответы, потому что он продолжил говорить: – У нас ведь праздник. Лето наступило. Злой инспектор уехал. А ты сидишь тут одна и вздыхаешь. Что случилось, ответишь, красавица?

Я вдруг засмеялась, сама того не ожидая. Этот его напор и манера говорить за двоих, а может, вечер и костры с ароматом жареного мяса. В общем, я не прогнала его, как собиралась изначально. Вместо этого похлопала по траве рядом с собой.

Мужчина не стал церемониться и уселся рядом.

– Как тебя хоть зовут, нарушитель моего уединения?

Он хмыкнул, быстро поднялся и протянул мне руку ладонью вверх. Я вложила в неё свои пальцы и почувствовала аккуратное пожатие.

– Меня зовут Доротэо, синьорина, но можно просто Дори.

Я сделала ещё глоток из глиняного стакана, из которого весь вечер цедила вино, и протянула своему новому знакомому.

– Давай выпьем, Дори, сегодня ведь праздник.

Я вздохнула. Почему-то веселиться не получалось. Отъезд инспектора, который должен был принести облегчение, поселил во мне необъяснимую тоску. Как будто я потеряла что-то свое, что-то важное в этом чужом мире.

Доротэо принял у меня из рук стакан и сделал глоток. А потом поставил его на траву и схватил меня за руку.

– Что ты делаешь? – возмутилась я, чувствуя, как сильная рука поднимает меня на ноги. – Отпусти!

– Обязательно, синьорина Катарина, – засмеялся Доротэо, сверкая белозубой улыбкой. – Как только ты начнёшь улыбаться. Идём со мной.

Я обернулась на костры, у которых сидели люди, ели, смеялись, играла музыка, кто-то танцевал. А меня тянули отсюда подальше, в темноту. И что самое главное – я вовсе не боялась своего нового знакомого. Напротив, внутри появилось ощущение, что Доротэо будет защищать меня, что бы ни случилось.

Мы удалялись всё дальше от света и людей. И я поняла, куда он ведёт меня – к винограднику. Что ж, если этот весёлый зубоскал попытается поцеловать меня, пожалуй, я ему позволю.

Но не больше.

Я ещё не отошла от предательства мужа и не была готова строить новые отношения. А на одноразовый секс я вряд ли решусь. По крайней мере, не сейчас.

Но, что бы Доротэо ни задумал, одного он добился – ему удалось меня отвлечь от мыслей о прошлой жизни и... королевском инспекторе.

Неожиданно Дори остановился. И в темноте я споткнулась и налетела на него, удивляясь, как он умудряется видеть дорогу. Доротэо подхватил меня и прижал спиной к своей груди. Я чувствовала тепло мужского тела и... никакого возбуждения. Это открытие меня даже расстроило. Флирт с симпатичным мужчиной пришёлся бы кстати.

И тут же засмеялась – всё-таки мы, женщины, очень непостоянны.

– Ш-ш, – зашептал мне на ухо Дори, – тихо. Смотри.

Я смотрела в темноту и сначала решила, что у меня что-то со зрением. Потому что по всему винограднику засветились лозы. Как будто по ним пустили светло-сиреневые диодные провода. Вот только внутри этих проводов я видела движение сока.

Изо всех сил зажмурилась, а потом снова открыла глаза. Ничего не исчезло.

– Что это? – спросила потрясённо.

– Это магия, синьорина Катарина. Магия виноградной лозы.

Глава 13

Утром я проснулась на земле среди лоз. Чувствовала себя прекрасно. Доротэо не только показал мне магию лозы. Он научил меня усиливать ее! Да как! Сначала просто держал, позволяя любоваться мерцанием силы. Потом вдруг притопнул, и лиловые токи вздрогнули. Тогда Доротэо не просто притопнул – выбил ритм, и сок внутри лоз побежал быстрее.

– Видишь? Днем листья наполняются теплом и светом, а ночью работники пускают по каналам воду. Обмен можно ускорить, но не слишком сильно. Если ягоды наберут много воды – лопнут. Если воды будет мало, не хватит сока на вино. Попробуй сама!

Мне стало интересно. Я подошла ближе и вспомнила что-то итальянское, из классики. Песни сборщиков винограда? Поймала ритм и лихо выбила его на земле, кружась и подпрыгивая. Сок точно потек быстрее!

– Отлично, синьорина, отлично! – мой сопровождающий улыбался – в полумраке его улыбка светилась как оскал чеширского кота. – А теперь станцуем вместе? Виноградник большой!

И почему я согласилась? Не знаю... Эти лиловые магические вены завораживали меня. Я легко шагнула в объятия мужчины, которого совсем не знала, оперлась на его руки, и мы понеслись по рядам, кружась и притопывая. Хотелось петь, но я не знала песен, зато мой визави мурчал что-то низким чарующим голосом и кружил меня, кружил!

О, как мы танцевали!

В стороне от света костра, в стороне от людей я почему-то абсолютно не боялась. Доверчиво прижималась к крепкой мужской груди на поворотах. Босые ноги летали по тропинке, руки тянулись к звездному небу, а Дори... Он так ловко кружил и поддерживал меня, что я вдруг искренне пожалела, что со мной сейчас этот незнакомый юноша, а не... Нет уж! Про королевского инспектора лучше побыстрее забыть!

В общем, утром оказалось, что ноги у меня опухли, волосы растрепаны, а лицо и руки изрядно поцарапаны незамеченными в темноте ветками. И платье в ужасном состоянии. Я, стыдясь, запахнулась в шаль и медленно пошла к шато, ужасно смущаясь. Все работники, которые замечали меня в таком виде, одобрительно кивали, хлопали в ладоши, улыбались... Мне казалось, они смеются надо мной! Но слуги встретили меня с почтением. Сразу предложили ванну и завтрак, а когда я вымылась, обработала ранки и вышла на веранду, меня встретил очень довольный дядюшка Одэлис:

– Прекрасный нынче день, Кати! Взгляни, как лоза пышно распустилась! Любо посмотреть!

Я бросила взгляд на ровные ряды подвязанных лоз и поразились. Листьев стало в два раза больше! А самое главное, что каким-то неведомым мне путем количества завязей тоже увеличилось!

– Замечательная была ночка! – подмигнул мне синьор Портэлл и сам отодвинул стул, помогая сесть за стол. – После такой не грех и подкрепиться, как следует!

Я покраснела от его намеков. Но промолчала. Если начну сейчас оправдываться, говорить, что ничего у нас с Доротэо не было, только танцы, буду выглядеть глупо и жалко. Лучше пусть считают, что я провела жаркую ночь среди лоз.

Меньше шансов, что будут подыскивать достойного синьора в мужья.

Между тем экономка внесла тяжелый поднос и заставила стол огромным количеством блюд. Кажется, даже герцога не принимали так роскошно! Обычно на завтрак у нас были лепешки с сыром, молоко или чай, по желанию, иногда еще варенье или мед. Для работников варили кукурузную кашу, но для нас она считалась слишком простецкой едой. А тут... солонина с травами в горшочке! Лепешки с начинкой из яиц и зелени! Нежнейший творог с изюмом и медом! И сангрия!

– Дядюшка, для вина слишком рано, – попыталась отказаться я, но синьор с самым суровым видом поставил передо мной бокал:

– Хотя бы один глоток, Кати! Мы должны выпить за то, что дух лозы тебя принял!

Я не очень поняла эти высокопарные слова, но вино все же выпила. Оно легко скользнуло в желудок, разжигая аппетит, и я торопливо схватилась за ложку – есть хотелось уже нестерпимо!

После плотного завтрака мы с дядюшкой отправились на виноградник. Он снова показывал мне, как правильно подвязывать лозу, как обрезать лишние побеги, как следить за оросительными канавками, и чем обрабатывать листья от вредителей. Мы трудились до самого вечера, но теперь я видела, как растения отзываются за заботу. Могла заметить приболевшую лозу или чахнувший ягодный кустик. Я уже не просто работала на земле – я ею почти дышала!

Глава 14

Король ждал его перед завтраком, выделив время в своём плотном расписании. Алистер привычно вошёл в приёмную, кивнул секретарю, поднявшемуся при виде герцога, и толкнул дверь кабинета.

Особое распоряжение его величества позволяло Алистеру ди Новайо входить сюда без стука. Если его пригласили, разумеется.

Герцог хорошо знал своё место и не злоупотреблял оказанным ему доверием. Ни разу не намекнул на своё происхождение и не отказался от порученного задания.

Он знал, что королевская милость преходяща, и старался быть не племянником короля, а доверенным лицом, чиновником по особым поручениям. И знал, что Рикардо IV ценил его за это.

– Доброе утро, ваше величество, – поклонился Алистер от порога. У него было монаршее позволение обращаться по имени, когда они остаются наедине. Но приветствовал короля герцог всегда согласно статусу.

– Заходи, Алистер, – махнул ему король, продолжая читать какую-то бумагу, – есть новости?

– Всё в порядке, – ди Новайо опустил в кресло, с удовольствием вытянув длинные ноги. Несмотря на утро, он уже успел набегаться. – Ложная тревога.

– Правда? – его величество даже поднял взгляд от изучаемой бумаги, его брови изумлённо поднялись. – А что ж ты тогда так долго там просидел? Что-то не припомню, чтобы раньше ты задерживался на винограднике Портэлла по две недели...

– Всего лишь десять дней, – недовольно буркнул Алистер, понимая, что этим выдаёт себя ещё больше.

Король улыбнулся.

– Никак девчонка оказалась настолько хороша, что обаяла не только старого Одэлиса, но и тебя?

Ди Новайо промолчал. Ответить на этот вопрос означало дать повод к дальнейшим насмешкам, а его величество и так теперь будет поминать ему эту поездку.

Поэтому он абстрагировался от королевской иронии и в привычной сухой манере начал отчитываться об инспекции.

– Между ними нет любовной связи. Одэлис Портэлл продолжает вдовствовать. В этом году мы можем ожидать привычную партию в прежнем объёме. Девчонку старик действительно учит. У неё очевидные способности. Хотя у меня пока нет сведений, что дух её принял. Но это может произойти не сразу. Волнует другое – она тёмная лошадка. Выдаёт себя за внебрачную дочь побочной ветви рода Даниоли, но доказательств тому никаких. Только её слова и подтверждение Одэлиса. Я думаю, они что-то скрывают, и хотел бы поближе с этим разобраться. Всё же продукция шато слишком важна для королевской фамилии.

Рикардо терпеливо слушал. Даже насмешливое выражение исчезло с его лица.

Королевский виноградник был весьма важен для монархии. Он давал королевской семье и особо приближённым людям такие бонусы, от которых не отказываются по доброй воле. Те, кто регулярно пил волшебное вино, получал дополнительные годы жизни, могучее здоровье, усиление магических способностей и резерва. Да и просто упомянуть в разговоре, что король подарил бутылочку «Королевской лозы» – это в среде аристократии равнялось практически ордену!

Поэтому на протяжении уже почти трёх столетий королевская семья тщательно оберегала тайну магической лозы, допуская к напитку лишь тех, кто был по-настоящему верен правящему дому и важен для поддержания власти.

Все же прочие даже не догадывались, какую силу и власть даёт волшебное вино. И за минувшие столетия утечки не было ни разу. Посвящённые в тайну шато слишком ценили возможность быть сильнее, здоровее и прожить в два раза дольше остальных.

Но Рикардо слышал ещё от своего отца, а тот от деда, что хранители лозы – всего лишь люди. Им не чуждо ничто человеческое. Их может обуять страсть или жадность, поэтому весь процесс – от выращивания винограда до разлива вина по бутылкам – должен контролироваться тщательнейшим образом.

Прежде на винограднике всегда жил представитель короля. Пока наследный принц не воспылал страстью к жрице и не увёз её.

Это была катастрофа.

Никто не смог образумить принца. Никакие доводы короля не помогли. Обезумевший жрец, так и не смирившись с потерей жены, погиб. Она тоже умерла, рожая девочку – супругу предыдущего герцога ди Новайо и мать нынешнего.

А дворец на несколько лет потерял доступ к магии лозы, потому что виноградник высох под корень. И только новая пара своей любовью смогла вновь разбудить лозу, восстановить былую роскошь королевского шато и наполнить подвалы ценнейшим в мире напитком. Но на поиски этой пары ушли годы.

Больше королевская семья не рисковала – никаких представителей при винограднике. Только традиционные визиты раз в год, да редкие появления инспектора.

– Жрец немолод, – нахмурившись, сказал герцог, – к тому же вдовец. Эта синьорина вдохнула в шато новую жизнь, но, боюсь, через год-два нам придется искать новую пару для виноградника.

Король нахмурился в ответ:

– Ты знаешь, как это делают?

– Прежде... – тут ди Новайо взял деликатную паузу, пропуская фразу про принца и жрицу, – стареющие жрецы сами подбирали себе замену. Из родственников, друзей или знакомых. Чуть реже они приглашали к себе молодых людей, устраивали большой праздник с вином и танцами, а утром объявляли выбор духа лозы. Думаю, такой праздник вполне может устроить и синьор Портэлл.

– Хм, – королю понравилась эта идея, – говоришь, девчонка вдохнула жизнь в шато? И старик к ней благоволит? Тогда так... Осенью мы, как всегда, поедem снимать пробу с молодого вина. И, пожалуй, я распоряджусь взять в свиту побольше молодых людей из тех, кто не имеет титулов и состояний. Вдруг этой синьорине Катарине кто-нибудь приглянется...

– Ваше величество, я не уверен, что эта синьорина – та, за кого себя выдает...

– Наплевать! – иногда и король мог выразиться грубо. – Если эта конфетка готова стать жрицей, постоянно жить на винограднике и опекать лозу – я прощу ей даже убийство!

Герцог благоразумно промолчал. Кризис с виноградником случился еще до его рождения, но отголоски в королевской семье сохранились до этого дня.

Король же не медлил – вызвал секретаря и приказал составить список молодых дворян, умеющих управлять поместьем, любящих землю и симпатичных.

– Сколько там твоей синьорине? Совсем старая дева или есть за что зацепиться глазу?

– Не юна, – нехотя ответил Алистер, – но вполне приятна на вид.

– Значит, выбираем молодняк посимпатичнее! – окончательно решил король и отослал секретаря.

– Как будет угодно вашему величеству, – сухо поклонился герцог.

– Знаешь, – Рикардо потянуло вдруг на откровения, – я тут подумал, что сам бы вряд ли согласился на такие жёсткие условия. – Тут король подмигнул герцогу и почти шепотом сказал: – Я люблю женщин и вряд ли сумел бы хранить верность лишь одной всю свою жизнь. Но всё же, нет-нет, да тайком задумываюсь о том, какое это счастье – истинная любовь, благословенная богами. И немного завидую хранителям лозы, у которых она есть.

Герцог вновь поклонился, на этот раз с бесконечным уважением.

– Эй, ты смеешься, наглый мальчишка? – фыркнул король.

– Нет, ваше величество! Просто восхищаюсь вашей мудростью и прозорливостью. Не каждый смертный признает, что ему не хватает чистоты, чтобы принять божественный дар.

Король хмыкнул и уставился на племянника особенно пристально. Ди Новайо спокойно выдержал его взгляд.

– Что ж, решение принято, Алистер. Будем искать пару для будущей жрицы. Пусть твои люди проверят всех кандидатов, а для тебя у меня будет особое задание. Идём, позавтракаем, расскажу.

Его величество приобнял непризнанного племянника за плечи, и мужчины покинули кабинет.

Глава 15

Между тем в шато время шло своим чередом. Виноград зрел, наливался теплом и солнечным светом. Подходило время сбора. Из погребов выкатывали бочки – мыли, пропаривали с помощью раскаленных камней, прокладывали душистыми травами.

Синьор Портэлл лично проверял каждую бочку и объяснял мне, из какого дерева они делаются, какими травами прокладываются, и какой виноград для какого вина используется. Ранние сорта – нежные, налитые золотом солнца шли на белое вино. Более поздние – темные, с плотной кожицей – на розовое и красное. Из мелких ягод получали более терпкие вина, из крупных – сладкие.

Чтобы не запутаться, я завела специальный блокнот, в который записывала все услышанное. Но дядюшка Одэлис смеялся над моими закорючками и заставлял лично отмывать бочки, чтобы навсегда запомнить, что, куда и как.

Мыть этого деревянного монстра меня отправили вместе с Диего.

– Да смотри, – напутствовал работника дядюшка Одэлис, – чтоб она сама мыла. Ей учиться надо.

– Синьор Портэлл, – запротестовал мой напарник, – ну и пусть смотрит и учится. Так побыстрее будет. А если сама, то и к празднику сбора не управимся.

– Я сказал, ты услышал, Диего, – отрезал дядюшка и ушёл следить за другими работами.

А мы остались вдвоём с Диего. Если честно, я немного обиделась, что он посчитал меня неумехой. Я уже несколько месяцев работала на винограднике и была уверена, что показала себя с лучшей стороны. А потом рассердилась – уж если хозяин мне доверял это дело, то не работнику с ним спорить.

– Ну, что надо делать? – с наигранным оптимизмом спросила я. Всё же внутри ещё тлела обида на Диего.

Но сам он, кажется, уже забыл о собственном недовольстве, потому что охотно мне объяснял и показывал.

– Смотри, – он указал на огромную бочку, возле которой мы стояли. Из отверстия шёл пар: – Изнутри её обработали кипятком. Теперь надо отчистить.

Диего принёс горячей воды из большого чана, под которым был разведён костёр, и поставил перед отверстием в бочке. Потом насыпал в кипяток белого порошка, в котором я опознала обыкновенную соду.

– Надевай, – Диего протянул мне отрез плотной ткани, сложенной несколько раз.

Я взяла ткань, разглядывая. А напарник уже командовал дальше:

– Лезь, – сказал он мне, кивая на бочку.

– Внутрь? – удивилась я.

– Хозяин сказал, чтоб ты мыла. Лезь, – повторил он, теряя терпение, – а то мы тут до осени копать будем.

Я настороженно подошла к бочке. Она была просто гигантской. Литров на пятьсот, а может, и на тысячу. Заглянула внутрь. Там царил полумрак. И на меня пахло прокисшим вином.

– Повязку надень, – посоветовал Диего, и я послушно закрыла рот и нос. Подхватила ведро и полезла внутрь бочки.

Каждое моё движение отдавалось глухим эхом. А когда я поставила ведро, всё сооружение вздрогнуло, и я вместе с ним.

Снаружи бочка смотрелась гигантской, но внутри оказалась тесноватой, только-только работать одному человеку. Вдвоём с Диего мы бы не поместились.

Сначала я действовала с опаской. Всё же вода была горячей, боялась обжечься. Но потом вошла в раж, плескала по стенкам и тёрла скребком.

Повязку я сняла через несколько минут. Дышать в ней было совершенно невозможно. А к кислому запаху вина вскоре привыкла и даже почти не замечала.

Диего иногда спрашивал, как у меня дела. И я отвечала, что пора переворачивать бочку. Он вращал её осторожно, по чуть-чуть, так что мне даже не приходилось выбирать. Я медленно перебирала ногами, расставив руки, и воображала, что это такой аттракцион – человеко-белка в колесе.

Представила и захихикала. Человеко-белка. Даже звучит смешно.

Вскоре мне стало жарко, и я выбросила жилетку наружу. Блузка промокла от пота. Волосы липли к лицу, приходилось постоянно убирать. Но все эти неудобства не мешали мне наслаждаться процессом. Уже давно мне не было так хорошо, как сейчас.

Работа спорилась. За полгода на винограднике я привыкла к тяжёлому труду, и тело с радостью предавалось нагрузке. Скребок резво вжикал по доскам. Вскоре я поймала ритм и почти неосознанно начала подстукивать башмаками.

– Эй, Кати, у тебя там всё нормально? – поинтересовался снаружи голос Диего.

– Всё отлично! – крикнула я, улыбаясь. И ничуть не покривила душой: мне было просто великолепно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/sobolyanskaya_elizaveta/hozyayka-volshebnoy-lozy

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)